

### III

## Избранные письма





### 1. Костромскому епископу Евгению

23 февраля 1797

Высокопреподобнейший отец,  
милостивый государь!

Получив почтенное письмо ваше с одною из прошедших почт, уловляю первую свободную минуту от канцелярских хлопот моих, чтобы принести вам мою чувствительнейшую благодарность за все милостивые выражения, коих источник легко и приятно мне находить в вашем добром и чувствительном сердце. Не лаская себе, я легко понимаю, каким образом можете вы любить человека, и местом и обстоятельствами и самым даже молчанием его с вами разделенного. Вы любите меня, как воспитанника, коего счастье вы начали и коего успехами вы привыкли заниматься. О встрече государя императора получили уже вы, думаю, приказания духовного начальства, чтоб не делать ничего того, что может походить на нарядный прием, и потому мышлю я, что речь говорить не только не нужно, но и совсем было бы противно Высочайшим намерениям. Я могу вас в сем удостоверить тем решительнее, что совершенно знаю, сколь строгие со светской стороны взяты меры к тому, чтоб остановить все приготовления сего рода и что к пр. митрополиту сделано о сей воле государевой положительное и точное изъяснение. Итак, исключая тот только случай, когда бы государь император пожелал видеть ваш монастырь, не думаю, чтоб должно было ему представляться, дабы не навлечь даже и самого вида церемонии. О страданиях ваших я с душевным огорчением давно уже слышал; но что делать, милостивый государь батюшка? Нужно,

очень нужно иметь высшее понятие о предустановлении человека, о звании его в будущее, чтоб не упасть под бременем зол, человека давящих. В недостатке утешения невежда опирается на древних столбах суеверных надежд.

Но что будет делать тот, кто привык мыслить и дробить! Укрепиться доброю и сильною философиею, понятием высшего порядка, и если нет ничего в сем роде достоверного, утешиться лестными вероятностями. Ни по летам, ни по обстоятельствам моим не имея причин жаловаться на судьбу свою, я привык, однако ж, представлять себе людей младенцами, коих счастье здесь на земле состоит в перемене игрушек и коих огорчения по большей части происходят от щелчков, которые они сами дают друг другу. Счастлив, кто может больше их давать, нежели сколько принимает. Но чем кончится сия игра человеческого рода и придет ли когда-нибудь человек в истинный разум, возмужает ли, когда сей тщеславный и часто злобный ребенок или умрет дитятей, *philosophi certant et adhuc sub iudice lis est*.<sup>\*</sup> Вы, конечно, простите мне, милостивый государь батюшка, сии философо-меланхолические бредни, если представите меня, обложенного кучами бумаг, в голове моей всякую мысль самородную мою теснящих и подавляющих. Но сердце мое, всегда к вам теплое и чистой приверженности исполненное, всегда возмущалось, когда я мыслил о вашем жребии, но что могу я более, как жалеть, негодовать и потом замолчать до времени. Мысль, что скоро увижусь с вами на дороге в Москву, веселит меня и столько занимает, что теперь же бы хотел отправиться в свой путь. Но надобно еще потерпеть до будущей недели.

Вам преданный слуга  
Михайла Сперанский.

## 2. К. В. Злобину

90-е гг.

Любезный друг! Душа моя привыкла изливать все свои чувства в твою. Ты был свидетелем моих слабостей. Твое проницательное око зрело исходы моего сердца. Нередко оно разговаривало с твоим. Оно рассказывало тебе свои заблуждения, и в сем одном находило уже довольно отрады. Позволь ему к своей истории приложить еще некоторые черты. Они

<sup>\*</sup> [философские споры — вопрос неразрешимый (*лат.*)]

будут неправильны так, как и прошедшие, но они верны и точно изобразят его подлинник.

Два года уже прошло, как нрав мой начал уклоняться от врожденной себе веселости. Шествуя нечувствительно, я, кажется, час от часу подхожу ближе к той пропасти, которая, может быть (ужасное предчувствие), должна будет со временем поглотить мои удовольствия. Где девался тот вихрь, коим порываема была моя юность? Прелестная мечта! Она уже исчезла. Скользя всегда по поверхности и никогда не углубляясь, ход моих удовольствий был легок. Мое быстрое воображение прелетало с предмета на предмет и везде открывало для себя одни только лестные виды — они были суетны; но рассуждают ли о цене, когда покупают счастье? Счастье! Вещь очень нежная, я это дознал, — оно не любит испытания. Лишь только разум прикоснется к нему волшебною своею тростию, оно исчезает. Берегись, любезный друг, спрашивать себя: счастлив ли ты? Но более берегись испытывать: почему? Если бы можно было изобразить счастье, я б написал его в виде прекрасной женщины, имеющей воздушное тело. Малейшее сотрясение, произведенное пытливым умом, разносит его и оставляет один только безобразный состав костей. Они связаны крепко, но то, что они имели привлекательного, распустилось в атмосфере. Если я не ошибаюсь, то вот мое преступление и вот чего стоило мне мое любопытство! Раскрывая понемногу, я наконец дерзаю рукою сдернуть ту роковую завесу, которою природа для блаженства смертных сокрыла от взора их образ их счастья. Я узрел мечту. Мой разум плескал столь счастливому открытию. Вот что, говорил я сам себе, вот что доселе меня обольщало! И сие-то называл я счастьем? Нет, очень дорого платил я доселе за сей обман. Пройдем далее, будем шествовать медленно и с осмотрительностию, различим на сем пути ложное от истинного, поищем счастья, утвержденного на самом себе, и будем счастливы в самом деле, а не в воображении. Раздробляя таким образом природу своего блаженства, я собственною своею рукою рассекал его. Удвояя свои шаги, чем далее я от него отходил, тем густейшим мраком был сретаем. Занять различными чертежами, кои я делал, чтоб открыть верный путь к блаженству, я не чувствовал сей темноты. Заменяя чувство воображением, изредка останавливался на сем пути, размышляя о моем предприятии, я составлял в себе различные образы, под коими мнил некогда увидеть счастье. Но сколько я ни силился отделать сей портрет, в нем всегда чего-то недоставало: то видел я, что не

теми изобразил его красками, какие в природе вещей были возможны, то досадовал на кисть, что она не умела писать неизвестного, наконец, выправлял, изглаживал, сердился, бросал краски и палитру, хладел, опять принимался, проводил начальные черты, клал другие тени, иначе располагал свет, все напрасно — моя картина не изображала счастья. На ней видно было какое-то уродливое существо. Главные его члены или были опущены, или обделаны грубо и небрежно, мое счастье или было без глаз, или имело слишком большие. Это правда, что колорит был превосходен (никогда воображение не имеет в нем недостатка), но не было ничего правильного; много было разлито света, но не там, где должно. Напоследок утомлен бесполезным трудом, я хотел далее продолжать свой путь, но вдруг узрел черное некое облако, носящееся над моею главою. От заразительных его излиятий мертвела живость моего нрава; мои мысли становились час от часу более мрачными; разум мой представлял мне одни только скучные виды; дух недоверчивости и опасения разлился по моим членам; мое воображение говорило сильнее, но всегда ужасающим меня голосом. И вот, друг мой, состояние, из коего и по сие время не могу я выйти! Вот точка, на которой стою я, как прикован! Жалей о мне, любезный друг! Страшись, чтоб наконец черное сие облако меня вовсе не покрыло. Я ужасаюсь! Да отвратят от меня сие небеса! Тысячу раз искал я в себе средств против смертоносных его действий, тысячу раз желал о той лестной безрассудности, на которой беспечно в летах моей юности опочивала душа моя, тысячу раз хотел преобразить план моей жизни, принять другие правила. Но скажи, любезный друг, налагают ли законы сердцу? Говори. Уже целый почти год прошел, как перо твое тупо для меня; возьми его, наставляй меня, пиши ко мне, открой его столь долготворенный проход, коим умы наши и сердца некогда сообщались.

Твой Sp.

### 3. Архиепископу калужскому Феофилакту

17 октября 1804

Любезное и почтенное письмо вашего преосвященства от 20-го сентября я имел честь получить в свое время. Я совершенно согласен с вами, что внешняя церковь должна быть также церковь воинствующая, как и внутренняя, хотя враги их совершенно различны.

Но для чего бы не желать, чтоб обе сии церкви, ныне столь различные, соединились. Если точное и единое истинное призывание человека на земле есть быть членом внутренней Христовой церкви, если каждый должен искать и следовать сему призыванию, если *Царствие Божие в нас есть*, если благодать толчется у всех сердец, если все могут соделаться светоспособными, как вы выражаете, то для чего бы не желать, чтоб пастыри церковные были наставниками не только внешнего, но и внутреннего богослужения? По моему мнению, соединение сих двух служений весьма бы много способствовало распространению дела Божия и утверждению его в сердцах. Когда бы число истинных поклонников умножилось, тогда бы враги внешние церкви сами собою замолчали. Дела веры живые, и видимые ее опыты лучше и скорее затворили бы им уста, нежели все умствования, на мертвой букве основанные.

Впрочем, я знаю, любезный и почтенный мой друг, что нам дано только желать и молиться о сем соединении, но совершение его не может быть от человека; оно есть и всегда будет действием единой благодати. Итак, будем желать и молиться, да приидет царствие Его, да будет воля Его якоже на небеси и на земли. Тот, кто возмечтал бы собственными своими усилиями приближать сие Царствие к другим и даже к самому себе, впал бы в важное заблуждение и дела гордости и самолюбия смешал бы с делом Божиим, с делом, которое не только не терпит никакого примешения наших сил, но и основано на совершенном их отвержении. *Ревность Дому Божию* дозволена только людям, уже обновившимся и в благодати утвержденным, то есть людям, кои умертвили уже в себе всю собственность воли и чувственного разума и в коих живет и действует Бог. Вам известны изъяснения о сем апостола Павла, изъяснения действительно простые и высокие, когда принимают их просто в собственном, а не в метафорическом смысле.

С совершенным удовольствием посылаю вам сочинения Фенелоновы<sup>1</sup> и Еккертсгаузенovy.<sup>2</sup> Я желал бы, чтоб чтение первого начали вы с пятого тома, то есть с его жизни. Я нарочно для себя выбрал экземпляр такого издания, которое сделалось очень редким и все уже почти исчерпано. Экземпляр, который остался у меня, не столько полон, как удостоверялся я, пробегая по местам первый. Нужно, прежде всего, познакомиться с сим великим учителем живой веры, не столько тонкостию чувственного разума отличившимся (хоть

и сим обладал он в великой степени), сколько святостию жизни и чистотою внутреннего учения. Имя его и теперь еще велико, но память его наиболее святится между истинными поклонниками Иисуса; многие из св. отцов писали в том же разуме; многие есть места в Клименте Александрийском,<sup>3</sup> но Августин<sup>4</sup> между ими особенно учением сего рода отличается. Его *Confessiones* весьма уважаются.

Еккартсгаузен был также человек весьма добродетельный и просвещенный, он с год тому назад умер. Учение его, хотя столько же чистое и единое (ибо все основано на той же живой вере), но некоторые места отзываются мирскою ученостию и желанием привлечь читателей видом таинственным, хотя, впрочем, таинственность сия основана на добром начале и взята из доброго источника, но источник сей, в глубокой древности сокрытый и в преданиях школы Пифагоровой и Платоновой едва видимый, для многих кажется мутным. Отсюда происходят некоторые в нем неясности, кои могут легко предварительным чтением других в сем роде писателей просветиться, но на коих нет нужды в начале останавливаться, ибо они несущественны и впоследствии легко могут быть истолкованы. Они доказывают вообще только то, что то же самое учение в различных образах понятий, разными выражениями, разными языками проповедуемо было между светоспособными в самой глубокой древности. Впрочем, если бы мне сказали, что есть на арабском языке весьма сильное доказательство бытия Божия, я не стал бы сему языку для сего учиться, когда внутри себя чувствовал бы совершенное в сей истине убеждение. То же самое рассуждение должно сделать и о некоторых местах Еккартсгаузена и других в сем роде писателей: они имели в сем свою и весьма похвальную, но не для всех нужную цель. Вообще не пытливостью духа, но внутренним смирением истинный свет нам сообщается. В сем учении почти нет ничего теоретического; все есть опыт, работа над волею и страстями, повседневное умерщвление самолюбия, отчуждение от самого себя. От утра до вечера, при всех посторонних упражнениях, ему можно поучиться, ибо во всем, что человек мыслит и делает, есть воля, есть собственность самолюбия и, следовательно, есть случай духовной внутренней работы преодоления себя, есть материя действительной науки. Все дела, самые мелкие, могут быть отнесены по намерению и концу своему, к сей божественной науке.

Я считаю нужным в заключение предупредить вас, что все письма, до сей материи относящиеся, останутся всегда между

мною и вами. Человек, коего употребил я к переписке первого письма, есть совершенно со мною единомысленный и мне преданный молодой человек. Почта есть так же самый верный и, по точному моему сведению, самый неприкосновенный для постороннего любопытства путь. Таким образом, откровенность моя с вами ограждена всегда будет от всякой пытливости, в делах сего рода несовместной. Вам верный и преданный душевно

Сперанский.

#### 4. Пермское письмо императору Александру I

[1813]

Всемиловитейший государь!

При отлучении меня Ваше Императорское Величество между прочими знаками милостивого внимания сказали мне, что во всяком другом положении дел, менее настоящем, Вы употребили бы год или два, чтобы точнее рассмотреть и поверить сведения, к Вам о мне дошедшие. Из сего я должен заключить, что мнение Ваше о мне еще не решено невозвратно. Впоследствии назначение денежного мне пособия и невидимая, но мне приметная, защита Ваша утвердили еще более сию надежду.

Среди дел столь высокой важности мне казалось непристойным развлекать собою Ваше внимание. Теперь, когда дела сии приемлют вид окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливым?

Представляю сие письмо посредством моей дочери, потому что всякий другой путь откровенного изъяснения мне пресечен, и не знаю еще, как и сие дойдет непосредственно до рук Ваших.

Удостоите, Всемиловитейший государь, внимания объяснения, при сем прилагаемые, не столько из снисхождения к моей судьбе, как по уважению их предмета, судьба моя и без них, по единому движению справедливости и благодати Вашей, могла бы решиться, но государи всегда имеют личную и прямую пользу внимать истине, особливо когда она касается до важных дел государственных.

Есмь с благоговением Вашего Императорского Величества верноподданный М. Сперанский.

В самом начале царствования Ваше Императорское Величество постановили себе правилом после толиких колебаний нашего правительства составить наконец твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения, и следовать ему неуклонно.

От сего единого начала постепенно возникали все главные учреждения Ваши, учреждения, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголетнее и деятельное царствование, если бы или люди были справедливее, или обстоительства счастливее.

Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле, каждый попеременно, в свою очередь были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нередко встречались с так называемым общим мнением, коего привычка и страсти не терпели перемен в настоящем и страшились их еще более в будущем.

Невзирая на сие, через 12 лет Ваше Величество постоянно следовали сим путем. Менялись люди, изменялись планы, но главная мысль и намерение оставались неизменными.

До 1808 г. я был почти только зрителем и удаленным исполнителем сих преобразований, но мысли мои и сердце всегда следовали за ними. Когда в 1808 г. Вашему Величеству угодно было поручить мне через графа Кочубея,<sup>5</sup> в начальстве коего я тогда служил, составить план преобразования судебных и правительственных мест в Империи, я принял сие поручение с радостью и исполнил его с усердием.

В конце 1808 г. после разных частных дел Ваше Величество начали занимать меня постоянное предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие, и нередко удостоивая проводить со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся.

Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало наконец составить одно целое.

Отсюда произошел *план всеобщего государственного образования*. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям, с 1801 г. занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение.

Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на



началах постоянных и тем самым сообщить действию сей власти более правильности, достоинства и истинной силы.

В течение с лишком двух месяцев занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и исправлений Ваше Величество положили наконец приводить его в действие.

Блистательнее, может быть, было бы все установления сего плана приуготовить вдруг, открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смещения. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшим терпеть на время укоризну некоторого смещения, нежели все вдруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно соделалось источником ложных страхов и неправильных понятий. Не зная плана правительства, судили намерения его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемене, устремились вредных уновлений.

Пройду кратко все установления, от плана сего возникшие, дабы означить, как вместе с ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда их преследовавшая.

I. *Совет.* Учреждение сие, за месяц прежде открытия, сообщено было графу Николаю Ивановичу,<sup>6</sup> графу Завадовскому<sup>7</sup> и кн. Лопухину.<sup>8</sup> Словесно и письменно они его одобрили. Все последствия его оправдали. Но одни видели в сем установлении подражание французскому, хотя, кроме разделения дел, ничего они не имеют общего. Другие утверждали, что разум сего учреждения стесняет власть государеву. Где и каким образом? Не по государеву ли повелению дела вносятся в Совет? Не единым ли словом его? Но зависть и клевета лучше желают казаться слепыми, нежели быть безгласными.

II. *Министерства.* В манифесте 1802 г. обещаны были подробные учреждения или инструкции министрам, но до 1810 г. их не было. Беспорядок и смешение, при личных взаимных недоразумениях, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя в средоточии дел, в собственной работе Вашей с министрами, более всех сие чувствовали и почти ежедневно напоминали мне о необходимости сего учреждения. По мыслям Вашего Величества составлен был план, внесен на рассмотрение председателей Совета, всеми единогласно одобрен и потом принят в Совете. На сем основан был манифест о разделении Министерств и составлен общий устав.

*В разделении Министерств* допущена некоторая от прежнего перемена в размещении или, так сказать, в рамках дел, но рамы сии никогда не могли быть неподвижны и на будущее время несколько раз еще измениться могут. Из сей перемены возникли два новых Министерства: полиции и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убеждению Вашего Величества в его необходимости, а второе основано на порядке счетов, неоспоримом и очевидном.

*Общий устав* постановил самые точные пределы отношениям и власти министров. Смее утверждать с достоверностию, что ни одно государство в Европе не может похвалиться учреждением столь определительным и твердым. Оно лежит теперь покрыто пылью и прахом, но время и опыт восстановят его и оправдают.

Надлежало приступить к частным уставам. Возложено было на самых министров составить проекты, дабы после пересмотреть их и привести в единство.

Здесь каждый министр, считая вверенное ему Министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства — и это был я. Мне одному против осьми сильных надлежало вести сию тяжбу. У одного министра финансов, не говоря о других, убавлены целых два департамента и, сверх того, несколько отделений, и таким образом уменьшены штаты ежегодно более ста тысяч рублей. В самых правилах наказа надлежало сделать важные перемены, отсечь притязания власти, привести ее в пределы, преградить насильные завладения одной части над другою и, словом, все сии наказы во все переделать. Можно ли было сего достигнуть, не прослав рушителем всякого добра, человеком опасным и злонамеренным?

Другие, может быть, меня счастливее, совершат сию работу, но совершить ее необходимо, ибо как скоро одно Министерство движется по данному направлению, то вместе с ним должны идти и другие, иначе они друг друга затруднять будут, как то опыт уже и доказал и доказывать будет.

Между тем как занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мне многократно об образовании Сената.

III. *Сенат.* Образование Сената было в необходимой связи с учреждением Министерств. Не могут два сии установления идти на двух началах, совершенно противоположных.

Проект сего образования прежде всего сообщен был графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письмен-

ные их отзывы при самых бумагах. После сего он рассмотрен в собрании председателей, напечатан и внесен в Совет; месяц времени определен был для того, чтоб каждый у себя дома мог его обдумать.

Из хода сего дела всяк легко мог усмотреть, что не желали тут ни исторгнуть согласия, ни предвосхитить его смятением и поспешностью.

Невзирая на сие, восстали укоризны. Не буду здесь упоминать о том, что в укоризнах сих было жестокого и терзающего мою личность. Обращусь к самому источнику тех только возражений, кои имели вид беспристрастия. Возражения сии большею частию происходили от того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разум людей, его составляющих, не довольно еще поражен несообразностями настоящего вещей порядка, чтобы признать благотворные Ваши перемены необходимыми. И следовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпеть, еще попустить беспорядок и злоупотребления, чтоб наконец, так сказать, их ощупали, и тогда, вместо того чтоб затруднять намерения Ваши, сами бы пожелали их совершения.

Мысль сия с горестию вырвалась у меня в самых публичных разговорах и рассуждениях. Я представил ее во всей силе Вашему Величеству и означил даже в докладной моей записке, которая при делах и теперь должна находиться. Мог ли я тогда подумать, что сие самое рассуждение даст повод врагам моим сделать то злобное приложение, какое впоследствии оказалось?

Между тем мнения в пользу проекта были многочисленны и уважительны. С твердостью и чистотою намерений Ваше Величество не решались еще остановить исполнения; двумя записками в разное время, от меня поднесенными, представлял я, сколь неудобно было бы при настоящем расположении умов продолжать сие дело. Вместе с сим возрастающие слухи о войне решили, наконец, Ваше Величество отложить его до времени.

Дай Бог, Всемилостивейший государь, чтоб время сие настало. Проект может быть переменен, исправлен или совсем переделан людьми, более меня сведующими, но я твердо уверен, что без устройства Сената, сообразно устройству Министерств, без средоточия и твердой связи дел Министерства всегда будут наносить более вреда и Вам заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. *Законы.* Есть люди, кои и Комиссию законов считают вредным установлением, хотя она учреждена еще при

Петре Великом и с того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множеством дел, я не мог сей части дать того ходу, какого бы желал, но смею сказать, что и в ней сделано в течение двух лет более, нежели во все предыдущее время. Целое почти столетие протекло в одних несвязных планах и обещаниях, в мое время не только составлены твердые планы на важнейшие части, но составлены, изданы и в Совете рассмотрены две труднейшие части Гражданского Уложения; третья и последняя требовала только отделки.

Со всем тем никогда не хвалился я сими работами и охотно и в свете, и перед Вашим Величеством разделял честь их с Комиссиею, но несправедливости людей принуждают меня наконец быть любочестивым. Пусть сличат безобразные компиляции, представленные мне от Комиссии, т. е. от г-на Розенкампа,<sup>9</sup> и если найдут во сте два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю им всю честь сего произведения. Сличение сие нетрудно, ибо компиляции сии все остались в моем кабинете.

Другие искали доказать, что Уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изоблечить также нетрудно, ибо то и другое напечатано.<sup>10</sup> В источнике своем, т. е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но со здравым смыслом, со знанием сих источников и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах.

V. *Финансы.* В исходе 1809 г., тогда как Ваше Величество занимали меня планом общего образования, предстал вопрос, делу сему посторонний, но по важности своей привлекавший на себя все Ваше внимание. Ваше Величество со справедливым беспокойством взирали на постоянный упадок ассигнаций и не могли с равнодушием видеть, что средства к наполнению недостатков, Вам представляемые, состояли в умножении тех же ассигнаций. Беспокойство сие возросло до высшей степени, когда в смете на 1810 г., заранее представленной, открыт был ужасный недостаток в 105 000 000 руб., а способов к замене его никаких в виду не было.

Вступало к Вам множество проектов, но все они представляли минутные и вредные облегчения. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресечь его, доколе была еще возможность.

Сею одною решительностию, смело могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда государство от банкротства.

После многократных о сем рассуждений составлен был *план финансов* и внесен в комитет, который тогда в доме г-на Гурьева собирался. По двухнедельном предварительном рассмотрении он признан был необходимым и представлен Совету. Были споры, но самое важное большинство его одобрило. Приняли за исполнение.

Здесь те же самые члены правительства, кои план одобрили, вместо того чтоб единодушно способствовать его исполнению, начали всемерно затруднять его, и тот, кто должен был главным быть его исполнителем, министр финансов, не отрекаясь от него на словах, стал первым его противником на деле.

Откуда сие противоречие? Оно изъясняется следующим. Весьма легко сказать: *прекратить выпуск ассигнаций*, но надобно было чем-нибудь их заменить. Для сего надлежало:

1) Сократить и привести в порядок издержки, а здесь-то и неудобства и роптание. Вместо того, что прежде каждый министр мог почерпать свободно из так называемых экстраординарных сумм, в новом порядке надлежало все вносить в годовую смету, потом каждый почти рубль подвергать учету в двух инстанциях Совета, часто терпеть отказы и всегда почти уменьшение и, в конце всего, еще ожидать ревизии контролера. Сам министр финансов подвергся тому же правилу. Могли кому нравиться сей вещей порядок?

2) Надлежало возвысить налоги. С лишком двадцать лет Россия их не знала. Каждый член правительства хотел сложить с себя бремя сей укоризны; надлежало, однако же, чтоб кто-нибудь ее понес. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сию жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и проч., а другие были в стороне.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народного недовольствия и подозрениями во мне. Отчет, который за 1810 г. имел я счастье представить в феврале последующего года, изображал во всей их силе мои опасения.\* Я предвидел, не без страха, все личные следствия и тогда же просил уволить меня от звания г-на секретаря. Ваше Величество самым милостивым образом опровергли и мои страхи, и мои желанья.

Так прошел 1810 г.

---

\* Отчет сей в бумагах.

1811 г. представил совсем противные явления. Тут министр финансов<sup>11</sup> предлагал налоги, а Совет отвергал их, яко неблагоприятные.\* Он, министр, доказывал, что в половине года все станет; прошел целый год, ничто не остановилось, передержка была малозначаща. Тем не менее я и в сем году был рушителем порядка и человеком опасным.

Настал 1812 г. Недостаток весьма важный и, сверх того, близкая война. Министр финансов представил систему налогов чрезмерно кругую и тягостную. Часть их принята, другая заменена налогами легчайшими. Сие смягчение и сии перемены, умножив раздражение, послужили после министру финансов и обширному кругу друзей его весьма выгодным предлогом отречься от всех мер нового положения, сложить с себя ответственность и, по примеру 1810 г., но уже с большею силою, на меня одного обратить все неудовольствия.

Если бы в сие время можно было напечатать все представления сего министра, тогда все нарекания с меня обратились бы на него, но его бумаги лежали спокойно в делах Совета, а манифест с примечаниями, толкованиями, московскими вестями и ложными страхами ходил по рукам.

Я мнил, что спокойный взгляд и терпение двух или трех месяцев рассеет сию бурю. В самом деле, она начинала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своим чередом.\*\*

Но между тем как я был спокоен, властолюбивая зависть\*\*\* не дремала и воспользовалась сопряжением обстоятельств.<sup>12</sup>

Приступаю к подробностям, весьма для меня горестным.

Я не знаю с точностию, в чем состояли секретные доносы, на меня взведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, что были три главных пункта обвинения: 1) что финансовыми делами я старался расстроить государство; 2) привести налогами в ненависть правительство; 3) отзывы о правительстве.

1) *О финансах.* К 1810 г. доходы государственные составляли около 125 000 000. К 1812 г. они доведены до 300 000 000. Приращение — в два года 175 000 000.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дел, на простом счете основанных, переменить нельзя.

---

\* Представление его и журналы Совета в Канцелярии Государственной.

\*\* Большая их часть и теперь еще существует.

\*\*\* Разумею моих доносителей. Имена их Вашему Величеству известны.

Смело могу еще раз утверждать, что, переменяв систему финансов, Ваше Величество спасли государство от банкротства. Придет время, Всемилостивейший государь, когда благие учреждения Ваши, оправдавшись опытом, привлекут на себя благословение людей благомыслящих. Тогда, смею думать, и мое имя, и мои бедствия вспомнят не без сожаления.

План финансов и все операции, на нем основанные, всегда выдержат с честью самое строгое исследование всех истинных государственных людей не только у нас, но и во всех просвещенных государствах. Не словами, но математическим счетом можно доказать, что если бы в свое время он не был принят, то не только вести настоящую войну, но и встретить ее было бы не с чем. И тот же план, в обширных его применениях, может еще доставить важные пособия в тех затруднениях, кои обыкновенно открываются после войны.

Но отчего же столько ропоту? Оттого, что ни в какой земле не переменяли финансовой системы без неудовольствия.

Отчего же — еще вопрошают — понизились еще более ассигнации со времени введения плана? Это есть секрет правительства; он состоит в том: 1) что в то же самое время, как переменяли систему, принуждены были выпустить около 46 000 000 новых ассигнаций; 2) в том, что от прежнего казначейства без умысла, по единому незнанию представлен был неправильный счет той массы, которая была в обращении, и на сем счете, коего неправильности тогда узнать было никак невозможно, основаны были первые операции. Но со всем тем, унизясь в первый год, ассигнации потом так твердо установились, что в течение трех последующих лет они сохраняли постоянно свое достоинство, и теперь еще, после всех бедствий войны, они свободнее, по цене их, принимаются в народе, нежели самое серебро. Сие ли называется разрушением государственного кредита?

2) *О ропоте от налогов.* Какое странное притязание желать, чтобы народ кланялся и благодарил, когда облагают его налогами! Естественно, сперва поговорят, побранят, потом перестанут, а со временем, когда образумятся, то и благодарить будут. Где же не бранили за налоги? Но можно ли сие минутное неудовольствие признавать опасным ропотом? Если налоги в половине февраля произвели опасный ропот, то куда же девалась сия опасность в марте, в мае, в июне? Где следы сего общего неудовольствия? Каким же волшебством тот же народ, то же дворянство, коего ропотом в феврале страшали, в мае и июне готовы были всем жертвовать? Откуда

сия перемена? Налоги не были сложены; напротив, во многих местах усилены. Следовательно, опасный ропот сей была басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, прожив весь век свой в женских сплетнях, по тем же самым сплетням и московским вестям судят и о делах государственных и даже (горько помыслить) мнят управлять ими.

Не могу миновать здесь одного примечания, которое и прежде, в первом письме моем отсюда, я старался, сколько мог, означить.

Не попустите, Всемиловитейший государь, чтоб система ложных страхов и подозрений, система, коею, как я догадываюсь, ищут уловить внимание Вашего Величества, чтоб система сия, всегда приводившая государей к бесславию, а государства к бедствиям, превозмогла над достоинством морального Вашего характера, который один, смею сказать, среди всех неустройств нашего правительства доселе составлял отраду народа и надежду всех людей просвещенных и благомыслящих. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могут видеть в народе самом кротком и добродушном, в подданных, привыкших повиноваться самой малейшей власти и Вам, Всемиловитейший государь, действительно и лично преданных, — могут, в сем народе, в мнениях его и пустых толках неразумия или легкомыслия видеть ропоты опасности, причины важных подозрений. Ужас поражает мое воображение, когда я помыслю о следствиях сих внушений. Смело могу назвать их, если они существуют, преступлением против самого Величества. Но Бог, проводивший Вас сквозь толикое множество трудных происшествий и сохранивший для благоденствия России, без сомнения, сохранит и от сих опасных сетей, скрытых под видом личной преданности и какой-то привязанности к старым русским правилам. Истинные русские правила суть взаимная любовь и доверие между государем и подданными, точное отношение отца к детям, а советы, основанные на страхе и угодливости мнимому общему мнению, когда оно несправедливо и пользам государственным противно, суть советы не русские, но советы или малодушные, или злые, и во всех отношениях Вас недостойные. Сие мнимое общее мнение слабо и ничтожно, когда его презирают; напротив, строптиво и ужасно, когда его слушают. Простите, Всемиловитейший государь, сие невольное сердца моего излияние. Враги мои могли очернить меня перед Вами, но никогда не отучат сердца моего желать Вашей славы, сохранения Вашего достоинства и кроткого правления.



3) *Об отзывах.* Третий пункт обвинения, сколько мог я выразуметь, состоит в том, что я отзывался худо о правительстве.

Если доносители разумеют под именем правительства те элементы, из коих оно слагается, т. е. разные установления, то правда, что я не скрывался и в последнее время с горестию многим повторял, что они, состоя из старых и новых, весьма худы и несообразны. Но сие было мнение всех людей благомыслящих и, смею сказать, и мнение Вашего Величества; скрывать же сего я не имел никакой нужды.

Если разумеют под именем правительства людей, его составляющих, то и в сем я также признаюсь. Горесть — видеть все искаженным, все перетолкованным, все труды покрытыми самою едкою желчью и, при покорности намерениям Вашим на словах, видеть совершенную противоположность им на деле; горесть, снедавшая мое сердце и часто доводившая до отчаяния иметь при сих элементах и людях какой-либо в делах успех, невзирая на все Ваши желания, горесть сия часто, а особливо в последнее время, по случаю сенатских и финансовых споров, вырывалась у меня невольным образом из сердца. Но, Всемиловейший государь, измучен, действительно измучен множеством дел и ежедневно еще терзаем самыми жестокими укоризнами, мог ли я быть всегда равнодушным? И, впрочем, сии самые члены правительства, коих чувствительность отзывом сим толико оскорбилась, не воздали ли мне сами за сие сторицею?

Но, чтоб мог я иметь под именем правительства разуметь особу Вашего Величества, душа моя возмущается при размышлении, что я доведен до того, чтоб опровергать сию гнусную клевету иначе, как презрением. С 1801 г., через 12 лет, в разных расстояниях от Вашего лица я неуклонно следовал сердцем и душою за всеми Вашими намерениями и в последние два года был близким их исполнителем. Во всех представлениях моих я имел дело с одним Вашим разумом и никогда не хотел обольщать Вашего сердца. Ваш разум и строгая с моей стороны логика<sup>13</sup> были одни мои орудия; в них состояла вся тайна моих работ и успехов. Никогда я ни в чем важном не желал, до и не мог я получить Вашего согласия иначе, как посредством самых точных доказательств и рассуждений. Для сего сочиняемы были мною не докладные записки, но, можно сказать, целые книги. В истине всего сего смею сослаться на собственные Ваши воспоминания, на все докладные бумаги, кои я Вам подносил. Каким же образом, с какою уродливою лживостью против ежедневного моего опыта вздумал бы я порицать и

злословить в последнее время то, что очевидно чтит и уважал в течение толь многих лет? Для чего? Какую цель могла иметь сия лживость? Возбудить неудовольствие, но в ком? В Армфельде<sup>14</sup> и Балашове?<sup>15</sup> И на какой же конец? Чтоб сделать переворот в правительстве? Но в чью пользу? Где способы? Где сообщники? Где связи? В делах 20-летней службы, во всех бумагах, в двухгодичном моем удалении, во всех надзорах и изысканиях, тогда как сердца и уши открыты слушать обо мне всякую клевету и нелепость, открыл ли кто один след, одну тень какой-либо связи подозрительной?

Здесь одна горестная мысль раздирает мое сердце. Неприятеля могли сомневаться в политических моих правилах, могли думать о привязанности моей к французской системе, но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведение мое столь было ясно, что если бы бумаги и дела мои можно было напечатать, тогда сами неприятеля мои устыдились бы своих предположений. Не я ли был один из первых, который обращал внимание Вашего Величества на предстоявшую войну и на все козни, ей предшествовавшие? Ссылаюсь на подробные записки, многократно, в разных эпохах и за долгое время поднесенные. Они все находятся в моих бумагах. Смее себе присвоить, что никто, может быть, по крайней мере случайно, столько не содействовал, чтобы заранее осветить истинные намерения Франции, как я. Когда отправляли в Париж графа Ниссельрода на краткое время с поручением финансовым по займу, тогда предположенному, и совсем без видов дипломатических, не я ли представлял Вашему Величеству открыть с ним переписку, которая впоследствии соделалась одним из главных источников сведений вернейших и полезнейших? И впрочем, если бы и не мог я привести сих и сим подобных множества подробностей и доводов, как можно вообще согласить следующие противоречия: быть преданным Франции и лишить ее всей торговли в России введением нового тарифа; желать разрушения порядка и в то же время всемерно содействовать его устройению; желать ослабить правительство и вместе возвышать его доходы; быть глубоким честолубцем и иметь вокруг себя одних врагов; желать привести у народа в ненависть правительство и себя первого и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласят все сие мои доносители: мне и писать и мыслить о сем уже омерзительно.

Между тем, однако же, сие жестокое предубеждение о связях моих с Франциею, быв поддержано эпохою моего

удаления,\* составляет теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего в народе обвинения.

Вам единственно, Всемиловейший государь, Вашей справедливости принадлежит его изгладить. Смее утвердительно сказать: в вечной правде перед Богом вы обязаны, государь, сие сделать. Вы не можете тут иметь во мне ни малейшего сомнения. Вашею тайною, а не своею, я связан; следовательно, Вам же и развязать все должно. Финансы, налоги, новые установления, все дела публичные, в коих я имел счастье быть Вашим исполнителем, все оправдывается временем, но здесь чем я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще раз к личным отзывам. Отчего, спросят, доходили от разных лиц одни вести? Оттого, что сии разные лица составляли одно тело, *а душа сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним.*

Если бы в правоте моей совести и дел нужно мне было не спускаться к сим потаенным сплетням, на коих основаны мои обвинения, и я легко бы мог показать и начало их, и происхождение, открыть и воздушные их финансовые системы, и личные корыстолюбивые их расчеты, указать все лица, запечатлеть каждое из них своею печатью, обличить ложь в самом ее средоточии и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, может быть, онемели. Но к чему все сии улики? Они будут теперь иметь вид *рекреминаций*, всегда ненавистных. И, сверх того, враги мои, может быть, и в сию минуту стоят перед Вашим Величеством, а я за 2000 верст и весь почти совершенно в их власти.\*\*

Мне остается пояснить одно обстоятельство, которое, быв обвинению посторонним, чрезмерно, однако же, обрадовало моих неприятелей, дав им случай всю громаду их лжи прикрыть некоторою истиною.

Ваше Величество припомнить, без сомнения, изволите, как в одно время я докладывал, что Бек приходил ко мне и просил исходатайствовать ему у Вас минуту внимания. «На что?» — изволили Вы спросить. «Он что-то нашел в перлюстрации, чего не хочет казать канцлеру, не представив прежде Вам». Ваше Величество сказали мне, что позовете его чрез Геслера, что действительно и исполнили, и, дав ему Ваши наставления, дозволили и вперед в подобных случаях также

---

\* А паче в Пермь.

\*\* Это не фраза, а сущая истина.

к себе относиться.<sup>16</sup> Бек, благодаря меня за сей случай, предложил, что когда встретится в деле его что-либо достойное внимания особенного, он будет меня извещать. Он мог сие сделать, в чистоте совести не считая меня чуждым правительству и его тайнам. С ведома ли его или нет, но чрез третье лицо, в самом деле, изредка и без связи, получил я несколько сих листов. Что они в себе содержали? Пустые вести о войне, сведения и рассуждения, кои, стоя в средоточии дел и имея всегда и по сим предметам доступ к Вашему Величеству, я в тысячу раз лучше и подробнее всегда знал, нежели они. Что могли мне нового сказать какой-нибудь г-н Буш<sup>17</sup> и ему подобные жалкие дипломаты? Следовательно, допустив входить к себе сии бумаги, даже в видах любопытства, не мог я назначать им высокой важности. Один взгляд на содержание их\* удостоверит Вас, Всемиловейший государь, в маловажности; числа их докажут, что они вошли ко мне без связи, а все вместе может уверить, что тут могло быть легкомыслие, но никто никогда не в силах превратить его в государственное преступление.

Со всем тем, и прежде и теперь, я повергаю себя единственно в Ваше великодушие и желаю еще лучше быть прощенным, нежели во всем правым.

Нужно ли, Всемиловейший государь, чтоб я оправдывал себя и против тех обвинений, кои рассеиваемы были моими врагами, о нравственных моих правилах и связях моих с мартинистами, иллюминатами и проч.?<sup>18</sup>

Бумаги мои ясно доказывают, что никогда и никаких связей я не имел; вообще о всех вещах я старался иметь собственные мои мнения и никогда не верил слепо чужим.

Когда Ваше Величество пожелали о предметах сего рода и в особенности о мистической их части иметь сведения, я с удовольствием готов был посвятить Вам все плоды моих собственных изысканий и размышлений. Беседы мне сии тем были приятнее, чем более я видел, что предмет их сообразен с сердечными Вашими чувствами. Не из книг, не из сект и партий почерпал я сии истины; они были изливанием души моей, смею сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многолетие прервали слишком рано сии лестные для меня сношения, и хотя не имел еще я времени открыть Вам во всем пространстве истинное их знаменование, но, судя по самому их началу, смею сослаться на собственное Ваше сердце и на

---

\* При удалении я доставил их к В. В.

самые бумаги, у вас оставшиеся, что́ другое в сих истинах Вы от меня слышали, кроме указаний на достоинство человеческой природы, на высокое ее предназначение, на закон всеобщей любви, яко единый источник бытия, порядка, счастья, всего изящного и высокого? Да и когда, при каком случае слышали Вы, Всемиловейший государь, от меня другие правила? Во все время, как я пользовался Вашим доверием, кого и чем я очернил, помрачил или кому старался повредить в глазах Ваших? На кого навел я какую-либо тень подозрения? Напротив, я всегда желал и при всех случаях старался питать и возвышать в душе Вашей ту любовь к человекам, ту терпеливость к их слабостям, ту кротость и снисхождение, коею Бог и природа в благости своей Вас одарили.

Всемиловейший государь! В невидимом присутствии Бога Сердцевода смею здесь спросить: так ли поступает, советует, действует и говорит мрачный честолюбец, ненавидящий своего государя и желающий привести его в ненависть?

Простите, Всемиловейший государь, пространство сих изъяснений. В течение двух почти лет враги мои говорили одни. Мне оставалось страдать и молчать.

В награду всех горестей, мною претерпенных, в возмездие всех тяжких трудов, в угождение Вам, к славе Вашей и благу государства подъятых, в признание чистоты и непорочности всего поведения моего в службе и, наконец, в воспоминание тех милостивых и лестных мне частных сношений, в коих один Бог был и будет свидетелем между Вами и мною, — прошу единой милости: позволить мне с семейством моим в маленькой моей деревне провести остаток жизни, поистине одними трудами и горестями преизобильной.

Если в сем уединении угодно будет поручить мне окончить какую-либо часть публичных законов, разумея гражданскую, уголовную или судебную, я приму сие личное от Вашего Величества поручение с радостью и исполню его без всякой помощи, с усердием, не ища другой награды, как только *свободы и забвения*.

Бог, общий Отец и Судия государей и их подданных, да благословит благие намерения Вашего Величества на пользу государства; да ниспошлет Вам исполнителей кротких без малодушия и усердных без властолюбия. Сие будет навсегда предметом желаний человека, коего многие в службе могут быть счастливее, но никто не может лично Вам быть преданнее.

## 5. Императору Александру I

Сельцо Великополье, 6 января 1816

Ваше Императорское Величество не отвергли всеподданнейших изъяснений, кои имел я счастье представить из Перми. Могу ли и ныне надеяться того же снисхождения?

Истины, в манифесте 25-го декабря<sup>19</sup> и в акте союза изображенные, налагают на всех подданных Ваших новую обязанность неограниченного доверия и откровенности.

Более, нежели многие другие, я должен чувствовать и исполнять сию обязанность. На пути, коим вело меня Провидение в вере, пытливость разума часто ввергала меня в изыскания более тонкие, нежели основательные; изыскания сии были в свое время предметом бесед, коих Вы меня удостоивали. Могу ли и должен ли я теперь молчать, когда вижу несомненные признаки истинной, сердечной, а не умственной, благодати, сердце Ваше озарившей? Да не оскорбится скромность Ваша сим выражением! Благодать Христова дается без заслуг и может быть признаваема без лести.

Примите, Всемиловитейший государь, как лепту вдовицы прилагаемую при сем книжку. Она содержит некоторые предчувствия, довольно ясные, чудного союза, ныне совершившегося, и некоторые виды его последствий. Сочинитель ее мне совсем неизвестен, но, кажется, не без особенного дара благодати она написана.

К сему осмеливаюсь присоединить мысли, при первом прочтении манифеста у меня излившиеся. Да будет приношение сие слабым свидетельством того общения в духе, к которому слово и пример Ваш всех призывают.

### МЫСЛИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ПИСЬМЕ

Союз, манифестом 25-го декабря (1815 г.) возвешенный, есть величайший акт, какой только от самого первого введения христианской веры был постановлен. Его можно хвалить без пристрастия, потому что он произошел не из самолюбия. Государи, его заключившие, изменили бы собственному своему чувству, если бы признали его личным их деянием. Он есть чистое излияние преизбыточествующей христианской благодати, коей удостоились они быть органами.

Война, непрестанно возрождающаяся; внутренние потрясения, часто возникающие; растление нравов, постепенно

расширяющееся, давно уже указывали слабость тех оснований, на коих стоят общества. Но строители государственного порядка считали себя в необходимости держаться сих оснований потому, что не находили лучших. Они не приметили или пренебрегли то коренное начало, коему все должно быть подчинено в государствах, исповедующих единое крещение, едину веру, единого Господа.

*Камень, его же небрегоша зиждующие, сей бысть во главу угла.*

Внезапный свет проник в самое средоточие действующих сил, в душу государей, и возбудитель их основать в Европе, вместо *дряхлых и худородных стихий*, новое политическое право, коего твердости и *врата адова не одолеют*, ибо оно лежит на *краеугольном камени Господа сил*.

Две главные истины составляют существо сего права:

I. Истинная цель человеческих обществ состоит в том, чтоб, образуя нравы и приучая людей к общению и любви, руководствовать их к соединению во Христе.

II. Иисус Христос есть и должен быть главою всех христианских обществ. Истинные правила их управления не могут ниоткуда быть почерпаемы, как из правил и учения Его.

Нет сомнения, что князь тьмы воздвигнет против сих правил и священного союза государей все свои усилия. Но тот, который *видел Сатану яко молнию с небесе спадше*, рассылет их яко прах, ветром возметаемый.

Победа сия несомнительна, если государи, союз заключившие:

1) *Пребудут верны благодати, в них действующей*. Самое существо и цель сего союза обязует их с сего времени освящать себя в деле их служения непрерывною молитвою. Здесь, в молитве и в прилежном чтении Св. Писания, могут они почерпать силу и свет, толико им нужные. И сия сила и свет прольются им обильно, ибо пользы царств их будут тогда пользами самого царствия Христова.

2) *Если не будут они соблазняться клеветами и нареканиями*, коим с сего времени более, нежели когда-либо, все дела их будут подвержены. С сего времени они твердо должны помнить и часто повторять, *что несть брань их к крови и к плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержателем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным*.

3) *Если будут они остерегаться другого врага, еще опаснейшего: собственной мудрости*. Нет сомнения, что Тот, пред Коем они столь торжественно повергли венцы свои, увенчает советы и дела их великими успехами. Люди будут превозносить их мудрость и добродетель, а здесь-то и начало идолопок-

лонства, в которое могут они впасть сами и ввергнуть своих подданных. Смирение и самоотвержение суть печать, которую они должны прилагать ко всем их делам и мыслям, чтоб враг их не обезобразил.

Когда тако будут они ходить пред Богом, тогда союз их скоро восприимет силы неожиданные и окажет действия неимоверные.

Не дерзая предварять внушений собственной их благодати, не излишним признается здесь означить некоторые предметы, на кои в нашем отечестве прежде других можно было бы обратить внимание:

1) Все благомыслящие люди давно уже признавали состав так называемого у нас народного просвещения весьма недостаточным. При внутреннем свете, озаряющем душу государя, Его Величество ныне яснее еще, нежели прежде, узрит сии недостатки. Если правила общественного порядка должны быть почерпаемы из учений Христова, то кольми паче правила воспитания. В государствах, где ученые предрассудки укоренились веками, может быть труднее преобразовать сию часть, нежели у нас, где, по счастью, она не имеет еще ничего твердого и неприступного.

2) Между тем весьма было бы полезно сколь можно более сеять семя слова Божия, не смотря, где и на какую землю оно падает. Сверх Библии, яко главной силы питательной, можно было бы издавать небольшие отборные сочинения, подобные тем, какие издаются в Англии от известного общества и из коих некоторые с успехом переведены уже и на русский язык, но, к сожалению, весьма мало известны в провинциях, а там-то, может, они были бы и плодovitее. Журнал, посвященный сему предмету (и уже возвешенный), может также принести великую пользу.\* Но в России главное дело устроить меры распространения сих книг, ибо большая часть затруднений происходит от наших расстояний и недостатка сообщений.\*\*

3) Законы уголовные в России довольно умеренные, но полиция сих законов весьма жестока: под сим разумеется образ содержания колодников, устройство темничное, смешение людей подозреваемых, обвиняемых и обвиненных, слияние разных степеней самого преступления, поведение низших правительств с преступниками, уже наказанными и долг свой

---

\* Может быть, не без успеха можно бы пользоваться подобным журналом, в Англии издаваемым, под именем: The Bible Magazine and theological review.

\*\* Для чего бы, например, не дать в почтовых конторах предписаний принимать требования на сии книги и их выписывать?



правосудию уже заплатившими, наипаче же совершенное пренебрежение и отчуждение христианских утешений\* в таком состоянии и в такие минуты, когда, изринутые человеческими законами, люди сии скорее других могли бы отверзть сердца свои покаянию и, следовательно, всем дарам благодати и, может быть, скорее и лучше многих других воспринять Того, Который призван не праведникам, но грешникам ко спасению. Кто может с достоверностию утвердить, чтоб в числе сих осужденных не было и невинных, а это сущие братие Христовы: «Елика сотворите единому от сих братий Моих меньших, Мне сотвористе». Много есть учреждений важнейших, нежели сие, но трудно найти другое, более нужное и с духом любви евангельской более сообразное.

4) Уравнительное распределение государственных податей и тяжестей требует также скорого рассмотрения. Здесь корень большей части злоупотреблений. Тщетно будут искать его в одном свойстве управляющих лиц, хотя и в них не без греха. Здесь не время распространяться о сем подробно, но нельзя умолчать, что есть подати, коих и простая языческая нравственность едва ли бы потерпела. Таковы суть винные откупы. Из всех софизм самая нелепая есть та, что заменить их нечем.

Предметы, здесь означенные, не суть, конечно, самые высшие, но они встречаются первые при начальном обозрении. Впрочем, благодать Господа нашего Иисуса Христа одна может наставить и указать, когда и какими удобнейшими средствами дела, Ему угодные, могут быть совершаемы и начинаемы.

## 6. Ф. И. Цейеру

11 января 1816

Ma lettre est partie Jeudi passé, le 6. Le livre qui y est annexé est une traduction russe d'un ouvrage allemand dont l'auteur m'est absolument inconnu. Je le suppose assez vieux, puisque notre édition est de 1784. C'est une sorte d'instruction, en forme de lettre adressée à tous les Souverains de l'Europe. Il les engage à faire un pacte d'union, afin d'avancer le règne de J. C.; il leur montre les moyens, prédit l'événement, en trace le caractère et l'influence sur les gouvernements, sur les mœurs et sur tous les rapports civils et politiques. Longtemps ce livre a fait le fond de mes rêveries sur la perfectibilité

---

\* Нигде почти у нас нет в темницах ни церкви, ни службы, ни молитв, и никогда утешительный глас веры не раздавался в сих пещерах плача, порока и страдания, кроме разве при последних минутах жизни, да и то весьма небрежно.

des gouvernements et sur l'application de la doctrine de notre Seigneur aux affaires publiques. Je conviens cependant, que je croyais l'époque de cette application bien éloignée; aussi n'ai je pas ouvert ce petit livre de cinq ou six ans. A la lecture de ce Manifeste, toutes ces idées se retracèrent dans mon esprit, et avec tant de vivacité, que je courus vite consulter mon visionnaire et le trouvant encore plus précis que je ne pensais, je me crus dès-lors obligé d'en faire l'usage que je fis. J'ai ajouté à ma lettre, en forme de mémoire, quelques réflexions de la même teneur, en me restreignant à la règle que je m'étais faite de ne pas parler de moi. Il me semble que mon intention pour cette fois-ci était simple et pure. Le reste n'est pas à moi.\*

#### 7. Х. И. Лазареву

Пенза, 16 января 1816

Я не поздравлял вас, любезный мой Христофор Якимович, с новым годом на письме, но поздравлял искренно в душе моей и желал вам, любезной вашей матушке и всему вашему семейству счастья и божия благословения, без коего нет на земле счастья.

Скоро ли мы увидимся, я не имею здесь ни малейшего о том понятия. Московские вести суть вести обыкновенные. Лучшее в них есть то, что люди со мною мирятся и делают справедливо, ибо я ни с кем никогда не бранился даже и тогда, как меня все бранили. Бог с ними! Ни от похвал их, ни от брани мы не будем ни лучше, ни хуже. Человек есть то, что он есть пред Богом; ни более, ни менее.

---

\* Письмо мое отправилось в прошлый четверг, 6-го. Приложенная к нему книга есть русский перевод одного немецкого сочинения, которого автор мне совершенно неизвестен, но должен, я полагаю, быть довольно стар, так как и находящееся в моих руках издание напечатано еще в 1784 г. Это род наставления, в виде письма, обращенного ко всем монархам Европы. Оно приглашает их к заключению союза, с целью приблизить царствие Спасителя, исчисляет средства, предсказывает совершение, обрисовывает его характер и влияние на правительства, на нравы и на все соотношения гражданские и политические. Уже давно эта книга пробуждала во мне мечтания о возможном усовершенствовании правительств и о приложении учения Богочеловека к делам общественным. Сознаюсь, однако, что эпоха такого приложения представлялась мне еще всегда отдаленною, так что я уже лет пять или шесть как не раскрывал моей книжки. При чтении настоящего манифеста все эти мысли опять возобновились в моем уме и с такою силою, что я поспешил снова обратиться к моему прорицателю и, найдя в нем еще более точности, нежели прежде, решился дать ему известное вам назначение. К письму моему я приложил несколько собственных размышлений того же содержания, строго, впрочем, держась правила — не говорить о самом себе. Кажется, что намерение мое в этом случае было просто и чисто. Остальное не в моих руках.

Продолжайте ко мне хоть изредка писать. Я не токмо вас о сем прошу, но даже и требую именем дружбы, которая с моей стороны пребудет всегда непоколебима. Христос с вами.

8. Д. А. Гурьеву

Пенза, 28 мая 1817

Милостивый государь  
Дмитрий Александрович!

Я имел честь третьего дни получить бумаги о кредитной системе, кои угодно было вашему высокопревосходительству мне сообщить.

Вы поставили, милостивый государь, весьма высокую цену моей к вам приверженности, дав мне сей знак вашего доверия. Сии превосходные учреждения ставят правительство наше на такой высоте финансовых соображений, к которой и самая Англия доходила веками.

Если есть что-либо в предположениях человеческих достоверное, то учреждения сии неминуемо должны достигнуть своей цели, когда только с твердостью и с некоторым даже упрямством будут их держаться. Я называю упрямством сие пренебрежение мелких и временных неудобств, которое во всяком важном установлении необходимо.

Чтоб возбудить доверие к правительству, оно обязано прежде всего иметь доверие к самому себе, доверие к собственным своим видам, доверие к лицам и их правилам, когда раз правила сии приняты. Всякое колебание в сем роде дел вреднее, нежели самое бездействие.

Чтоб в деле государственном и толико спасительном принести и с моей стороны хотя малый вклад, я попытаюсь представить вам, милостивый государь, на сих днях некоторые соображения о вероятности в успехе предполагаемого внутреннего займа; вопрос сей кажется еще не решен и не может быть решен иначе, как по расчету вероятностей, и следовательно, может допустить разные гадания.

Между тем примите, милостивый государь, свидетельство и благодарности моей, и совершеннейшего почитания, с коим честь имею быть

вашего высокопревосходительства  
покорнейший слуга  
М. Сперанский.

## 9. Графу А. А. Аракчееву

Пенза, 5 апреля 1819

И неблагодарно и грешно бы мне было уверять вас, что я принял новое назначение мое без горести.

Искренность, которая одна может составить всю мою пред вами заслугу, заставляет меня признаться, но признаться вам единственно, что весть сия тронула меня до глубины сердца. То, что есть в назначении сем для меня утешительного и лестного, все сие есть тайна чувства моего и искренней преданности государю. Но публика знает только два слова: отказ в отпуске и удаление! Я очень обманусь, если голос сей не будет общим.

Как бы то ни было и не взирая ни на какие толки, я исполню новое мое назначение точно с тем же усердием, как бы я сам его желал или выбрал.

При помощи Божией и милостях государевых мне нужны к сему две вещи: *первое*, чтоб вы дозволили мне из Сибири откровенно к себе писать о деле и безделье и, различая одно от другого, одному давали бы ход, другое же отлагали бы в сторону, не ставя мне в вину, если за 6000 верст всего я не угадаю; *второе*, чтоб донесения мои по службе, не рассыпаясь по частям, входили прямо к вам и от вас и чрез вас получали бы разрешение. Первый год я не буду вас много обременять: он весь почти должен пройти в дороге, в собрании сведений и местных обозрениях.

Что принадлежит до будущего — оно в руке Божией. Но после всего, что я испытал, могу ли, должен ли я чего-нибудь желать, как только покоя и забвения.

Продолжите, милостивый государь, ваше драгоценное ко мне расположение. Я надеюсь, что поведением моим в службе и искреннею моею к вам преданностию оправдаю я все ваши ко мне милости.

С совершенным и пр.

## 10. Князю А. Н. Голицыну

Тобольск, 25 июня 1819

Не могу оставить Тобольск, не представив вашему сиятельству краткого повествования о моих похождениях.

Я прибыл сюда 24 мая и чрез два дни вступил в должность. Первое попечение мое было уверить, что жалобы на местное

начальство не суть преступление и что есть наконец возможность приносить их. Сие было уже великою отрадою одним и обузданием другим. Известив во всех уездах и волостях о прибытии моем сюда, я ожидал последствий. Зла везде много, но здешнее зло имеет то особенное свойство, что люди чем менее надеются быть услышаны, тем громче ропщут. Главный ропот здесь на земское управление. В сем удостоверили меня и ежедневные жалобы, и следствия, чрез посланных мною чиновников произведенные. Многого исправить я не мог и по краткости времени, и по недостатку людей, и особенно потому, что частные перемены в низших разрядах управления без перемены в высших и без постановления лучших правил не могут быть прочны, а правила сии требуют продолжительного и общего по всей Сибири соображения. Таким образом, переменив и отрешив только то, что было гласно нетерпимо, устроив порядок надзора, исправив в ходе дел то, что скоро и легко могло быть исправлено, паче же всего отворив двери ко всякой жалобе правильной, ко всякому открытию доверенному, я поспешаю отсюда в Томск и оттуда в Иркутск, куда дела настоятельно спешить меня заставляют. Надеюсь выехать отсюда завтра и вместо прямой дороги сделаю круг на Омскую крепость, чтоб видеть часть границы, лучшую и населеннейшую часть сей губернии, и удостовериться тем более в состоянии дел и лиц.

Все сии занятия столько еще маловажны, что я не считаю приличным обременять внимания государя императора особенным донесением, но если бы представилась удобность, я бы просил ваше сиятельство при случае донести словесно Всемилостивейшему государю о образе, коим начал я новое мое служение. Надеюсь, что при помощи Божией совершу его с точною сообразностию благотворным его видам.

Между тем, чтоб вознаградить чем-нибудь неприятности здешних дел, я многократно беседовал со здешним преосвященным о состоянии его паствы. Здесь, как и везде, жатва многа, но делателей мало. Библейское здешнее отделение, коего и я имею честь быть членом, идет с успехом. Я посещал также и семинарию и нашел ее устроенною по новому порядку с совершенным успехом.

В городе много бедных, и хотя должно отдать всю справедливость благотворительности здешних граждан, но без устройства она не всегда с верностию достигает своей цели. Познакомясь и поговорив, мы положили здесь начало благотворительному обществу; начало еще слабое, подписка составляет до 2000 руб., но надеюсь, что она возрастет, и тогда

и сей малый ручей сольется с общим источником, с императорским человеколюбивым обществом.

Как легко, как приятно было бы ни о чем более не заботиться, ничего другого не писать, как только о сих предметах. Но, к сожалению, они составляют только каплю в бездне горестей, коими дела жизни преисполнены.

Примите, милостивый государь, свидетельство и проч.

#### 11. О. П. Козодавлеву

10 июля 1819

Отправясь из Тобольска 26-го июня, я прибыл в Томск 6-го сего месяца.

С первого шагу в сию губернию был я преследуем жалобами на земское управление. Останавливаясь в каждом волостном правлении, сменяя и отрешая почти все, что мне ни встречалось, прибыл я в губернский город. Здесь новая толпа жалоб на губернское начальство.

Между тем дошли ко мне замечания, что жалобы из уездов, по почте присылаемые, легко могут быть удержаны здешним почтмейстером, братом гражданского губернатора Илличевского.<sup>20</sup>

Участие сего чиновника в делах и недоверие к нему до того усилились, что лучшие здешние купцы (в числе их есть лица по кяхтинской торговле весьма значительные) изъявили мне словесно и в доверенности сомнение свое, что корреспонденция их по существующим между губернатором и здешним градским обществом неудовольствиям не имеет надлежащей на почте надежности. Они приводили примеры разных остановок, и хотя не могут с точностью доказать, где именно допущены сии остановки, но естественно склоняют все подозрение свое на здешнюю почтовую контору. Хотя сим показаниям я не мог дать полной веры, но счел, однако же, нужным в успокоение умов и в пресечение возникших подозрений принять меру, которую из официального моего отношения усмотреть изволите.

Из Тобольска чрез Омск сделав более 2000 верст, измучен на пути жалобами и доносами и сверх того изъеден на Барабинской степи насекомыми, злейшими во вселенной, я надеялся здесь отдохнуть, но от утра до вечера ничего не вижу и не слышу кроме жалоб, доносов, беспорядков, досад и огорчений. И сие есть только начало болезням; предо мною стоит Иркутск, как

грозное ночное привидение, с коим должен я бороться, я, неспособнейший из смертных к борьбе сего рода.

Пожалейте о мне; дух мой изнемогает; глаза изменяют; единая надежда на Того, кому лучшая жертва есть дух сокрушенный.

Примите и проч.

## 12. Императору Александру I

Томск, 31 июля 1819

Всемиловейший государь!

Окончив обозрение двух сибирских губерний, Тобольской и Томской, и приступая к обозрению Иркутской, нахожу себя в необходимости испросить разрешения Вашего Императорского Величества на следующее обстоятельство.

По общей инструкции сибирскому генерал-губернатору предоставлено сменять, удалять и отрешать чиновников, коих определение зависит от Правительствующего Сената; о высших же чиновниках губернских, начиная с председателей, велено представлять на дальнейшее усмотрение.

При обозрении Тобольской губернии по существу жалоб и произведенных следствий представилась возможность пресечь или по крайней мере ограничить злоупотребления и до времени охранить порядок средствами, в инструкции определенными.

Но в Томской губернии средства сии будут недостаточны. Здесь жалоб более, существо их важнее, чиновников не только способных, но и посредственных еще менее и перемены их тем затруднительнее. Злоупотребления, доселе открытые, ведут к другим, еще не обнаруженным. По жалобам, здесь принесенным, и по сведениям, ко мне дошедшим, нарядив следственную комиссию в Нарым, сам поспешаю в Енисейск, чтобы оттуда отправить другую в Туруханск.

Подобные сим обстоятельства и еще с большею силою должны встретиться в Иркутске.

Не прежде как по окончании следствий и по рассмотрении дел можно будет представить на Высочайшее Вашего Императорского Величества усмотрение полный отчет о бывшем здесь управлении и предать судьбу управляющих действию закона или милосердия.

Между тем в самом производстве следствий и при рассмотрении дел может встретиться необходимость удалить на время

гражданских губернаторов томского и иркутского от управления губерниею; мера сия при первых совещаниях Комитета министров признаваема уже была нужною.

Повергая предположение сие на благоусмотрение Вашего Величества, я осмеливаюсь испрашивать, если оно будет принято за благо, уполномочить меня Высочайшим рескриптом: «гражданских губернаторов томского Илличевского и иркутского Трескина <sup>21</sup> впредь до окончательного усмотрения устранить на время от управления губерниями, если по производству дел и вверенному мне обозрению найду я сие нужным; исправление же должности их поручить на время вице-губернаторам».

Как мера сия есть только предварительная и предполагаемая на случай необходимости, по уважению дальних расстояний, то и осмеливаюсь вместе с тем испрашивать той милости, чтоб Высочайший рескрипт дан был на мое имя и до времени оставался бы неизвестным.

### 13. Князю А. Н. Голицыну

Иркутск, 18 сентября 1819

Курьер из Петербурга есть редкое происшествие в Сибири; не простил бы я себе пропустить сей случай писать к вашему сиятельству. Дозвольте мне верить, что, продолжая с откровенностию повествования мои, не обременяю вашего внимания. Мне нужно иметь сие утешение.

Отправясь из Томска 3-го августа и в Красноярске оставив большую дорогу, я посетил Енисейск. Сей старинный город, бывшее средоточие значительной торговли и управления, ныне почти пуст. Одни древние церкви напоминают прежнюю его силу. По сведениям здесь собранным нарядив и отправив следственную комиссию в Туруханск, возвратился в Красноярск.

На границе Иркутской губернии, на речке Кане, я встречен был исправником Лоскутовым,<sup>22</sup> имя в Сибири громкое и из дел, бывших в рассмотрении комитета, вероятно незнакомое. По общей известности его дел отрешив и арестовав его тут же на месте, я оставил его за Каном, как за Стиксом. Страх десятилетнего его управления столь был силен, что, невзирая на томские примеры, на первых станциях не иначе смели крестьяне приносить на него жалобы, как выходя украдкою из лесов, среди дороги. Но скоро слух о его отрешении разрешил



боязни. Отсюда до Нижнеудинска был один голос или, лучше сказать, один вопль на жестокости и поборы. В Нижнеудинске я принужден был остановиться, учредить следственную комиссию и пробыть тут почти две недели. Побыры по первому, еще неполному, обозрению составляли уже более двухсот тысяч рублей. По счастью, в самый первый день удалось мне отыскать имение Лоскутова. Оно значительно: одних чистых денег в ассигнациях, серебре и золоте найдено около восьмидесяти тысяч рублей; сверх того знатное количество серебра в деле, в сервизе, табуны скота, меха и проч. и проч. Здесь решено и известное дело о поругании нижнеудинского протопопа Орлова. В четыре дни все существенные обстоятельства сего происшествия, столь же жестокого, как и соблазнительного, обнаружены. Протопоп точно был высечен в стойбищах бурят-карагасов. Виновник уличается очевидными свидетельствами.

В пути отсюда до Иркутского уезда жалобы продолжались, но в сем уезде все замолкло: такова сила страха, в течение 13-ти лет все умы одержавшего. Устранение губернатора, решив колебания, облегчило бы изыскания. Не имея сего средства, я должен развивать клубок, чрезмерно спутанный, с медленностию и терпением. Чем злоупотребления очевиднее, тем тягостнее искать еще на очевидность сию доказательств, и искать их среди страха, здесь еще действующего, и каких-то надежд, из Петербурга с каждою почтою сюда льющихся.

Чрез три дни по приезде я имел уже довольно предметов, чтоб открыть здесь главную следственную комиссию и две в уездах.

Между тем занимаюсь и другим делом, по мнению моему еще более существенным, собранием и соображением сведений к будущему образованию сего края. Ревизия есть дело временное и повторять ее часто на сих расстояниях невозможно. Порядок управления, местному положению свойственный, может один упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей тщетны, но и люди без добрых учреждений мало доброго произвести могут. С сей стороны 13 лет минувшего управления почти потеряны невозвратно; все ограничено было одним отправлением текущих дел, да и то по здешним частным и весьма неверным направлениям.

По делам духовным я вошел уже в сношение со здешним преосвященным. Надеюсь получить его доверенность, утешить его в минувшем и содействовать в будущем. Помышляем об установлении библейского отделения; дух партии был причиною, что доселе оно не было установлено.

С пособием здешнего коменданта полковника Цейдлера<sup>23</sup> заводим школу взаимного обучения и надеемся открыть ее на сих днях. Здесь есть военно-сиротское отделение; для удобства начинаем с него, чтоб, присмотрясь и ознакомясь, пойти далее.

В день коронации положено начало и здесь благотворительному обществу; подписка простирается уже до 7000 рублей и есть надежда упрочить сие дело.

Заключаю просьбою продолжить ко мне ваше расположение, коего всю цену я чувствую, и с сим чувством, соединяя истинное почитание и искреннюю приверженность, честь имею быть и проч.

Р. S. Не буду поздравлять ваше сиятельство с расширением круга ваших дел по внутреннему министерству. Но считаю обязанностью приложить для сведения вашего список письма, сегодня мною полученного, от известного Салватори.<sup>24</sup> Он, вероятно, уже в Петербурге. Быв на линии пред самым его туда приездом, я от лучших людей слышал, что выписка тибетских коз есть дело или совсем невозможное, или по крайней мере столько трудное, что надобно отважить на удачу не пять и не десять тысяч, но может быть сто тысяч рублей, и со всем тем не быть уверену в успехе. Ташкинцам же и на десять рублей поверить трудно. Вообще, мне кажется, что покойный О. П.,\* узнав ближе Салватори, желал только сим образом от него отвязаться, и желал не без основания.

#### 14. С. С. Уварову

Иркутск, 18 сентября 1819

*Per varios casus, per tot discrimina rerum*\*\* я наконец в Иркутске и, едва здесь обзревшись, спешу принести вашему превосходительству искреннюю благодарность и за воспоминания ваши, и за все, что угодно вам было для меня сделать, сопричислив меня к академии.

Четыре месяца я странствовал по Сибири, и две недели как здесь, на последней почти черте европейского образования. В шестидесяти верстах отсюда, за Байкалом, оно кончится; там начинается другое образование, другое чувство изящного, другая религия.

\* Осип Петрович (Козодавлев).

\*\* [Через различные превратности и через столько моментов грозной опасности (*лат.*)]

Не заключите из сего, что я сожалею о моем странствовании. Не выбрал бы я его сам собою, но рад, что оно для меня выбрано. Нравственная или, лучше сказать, политическая сторона сего края, местное управление его и род дел, на меня возложенных, превышают почти все мое терпение, но чудесная сила здешней природы, удобность видеть и почти считать все степени общественного образования и чувство, что в общем движении разума человеческого, в развитии сил его я здесь нелишний, что тем или другим образом, в настоящем или будущем могу быть полезен, — сие одно заставляет меня забывать все трудности, пренебрегать все опасности моего положения. Присоедините к сему и надежду некогда, сидя у пристани, беседовать с вами о здешних былях и небылицах, представлять вам сибирские картины, узорочности здешнего края и, как старики многоглаголивы (а я старею), сто раз вам повторять и вместе с вами выводить из всех опытов, из всех наблюдений одну и ту же истину, что везде, на всех концах света есть всеобщее движение от телесного к духовному, от тьмы к свету, от заблуждений к истине; мысль утешительная, необходимое возмездие всего настоящего. Между тем, покуда придет время сей беседы, утешайте меня вашими воспоминаниями. Письма ваши везде мне были драгоценны, а здесь еще более. Отправление сюда пекинской миссии в декабре доставит вам случай наполнить несколько пустоту моих занятий, прислав мне что-нибудь полезное для прочтения. Легко себе представить, как я благодарен за книги, полученные с Цейером. Хотя время мое все почти расхищается делами (огорчительными, несносными), но тем более буду вам благодарен за несколько минут свободного дыхания.

Мне писали, что уже печатается 9-й том Истории Н. М. Карамзина, камень претыкания, но, верно, он пройдет его благополучно — *sine ira et studio*.\* Не можно ли будет доставить, если успеет к тому времени; впрочем, и почта здесь верна.

#### 15. А. А. Столыпину

Иркутск, 18 сентября 1819

Я давно не писал к вам, любезный мой Аркадий Алексеевич, потому что четыре месяца с небольшим был почти непрерывно в дороге. Две недели как я здесь на месте, и

---

\* [без гнева и пристрастия (лат.)]

странствование мое на сей раз считаю конченным. Здесь останусь на всю зиму, а на весну — что Бог даст.

Теперь время дать вам отчет в моих похождениях. Начну с Тобольска. Здесь нашел я жалобы и злоупотребления почти обыкновенные и всем губерниям общие. Губернатор человек старый, слабый, но добродушный и благовоспитанный, враг Пестелю, хотя и зять ему, и хотя им сюда определен, но враг непримиримый по домашним сплетням и по образу мыслей. Обозрев, заметив, исправив, что было можно, и сделав несколько примеров строгости над земскими начальниками, особливо же доправив с них взятки и возвратив каждому свое, я учредил здесь из оппозиции надзор и отправился в Томск. Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно бы было сделать, то здесь оставалось бы уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и, по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его, губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые. Почтмейстера я, во-первых, удалил, толпами отдал под суд, более отрешил и переместил; о губернаторе же писал (от 31 июля) к государю, чтоб его, по крайней мере, устранить от должности до окончания начатых следствий; следствия сии наряжены и открыты в самых отдаленных краях губернии. Здесь должно вам приметить, что, начиная с прокурора и восходя выше, генерал-губернатор по инструкции должен представлять, но не имеет права никого удалить, хотя бы застал и на месте преступления. Той же самой меры спрашивал я и для Трескина; ответа еще не имею и по времени прежде октября иметь не надеюсь. К кн. Алр. Ник. Голицыну писал вместе с тем некоторые подробности. Заключив таким образом ревизию сей губернии, отправился я в Иркутск. С дороги в сторону обозрел Енисейск, чтоб сблизиться с Туруханском и послать туда особенную следственную комиссию. На границе Иркутской губернии встречен я был первым министром Трескина, пресловутым *Лоскутовым*, исправником нижнеудинским. С двух первых слов я его отрешил и, тут же арестовав, оставил за границею губернии. Мера сия была нужна. Страх десятилетнего его железного управления был таков, что на первых станциях не смели иначе приносить жалоб, как выбегая тайно на дороге из лесов. В Нижнеудинске, маленьком, грязном, болотистом городке, я принужден был остановиться и учредить особую следственную комиссию. Не было во всем уезде почти ни одного селения, из коего бы не поступило жалоб или на взятки, или на жестокости.

Количество *первых*, по первому обозрению, простиралось уже до двухсот тысяч рублей. По счастью, в самом начале мне удалось схватить имение виновного: табуны скота, знатное количество мехов и серебра в деле и восемьдесят тысяч чистыми наличными деньгами. Обоз с деньгами, мехами и серебром отправил я торжественною процессиею в Иркутск. Невзирая на сие, в Иркутском уезде все молчало: так страх, укоренившийся здесь 13 лет, связал все умы. Я должен всего доискиваться и развивать клубок с медленностию и великим терпением. Злоупотребления монополии очевидны, но дело в том, чтоб обличить и доказать их пред законом формальным образом. Устранение губернатора всему послужило бы развязкою. Что есть Трескин? Человек наглый, отменно смелый, не глуп, хоть и худо воспитан, но хитр и лукав, как демон. Он составил себе здесь партию не только из всех чиновников, с коими делился, но даже из всех почти купцов, с коими производил торговлю. Сия связь поддерживается и усиливается еще письмами моего предместника, члена совета и сенатора. Вы можете себе легко представить, какой вес имеют здесь сии внушения; в них он старается доказать, что я ему друг совершенный, что мы с ним соединены и чувствами какого-то особенного христианства (он принадлежит, по словам его, к моравским братьям, в коих верует и Трескин и коих я почти совсем не знаю), и образом мыслей. Письма сии приходят сюда каждую неделю; некоторые из них я сам видел. Между тем я с Цейером один. Вся канцелярия составлена Пестелем, и переменить ее здесь нет никакой возможности. Вот мое положение. Такова, однако же, надежда моя на силу истины, что, при всех затруднениях, я надеюсь к новому году все окончить и привести дела и преступления в такую ясность, что останется только приложить закон и определить меру наказания.

Теперь я вас вопрошаю: мое ли дело разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления? Дóлжно покориться своей судьбе, и, по счастью, я уже опытом и упражнением сему научился. Даже из кроткого и доброго Цейера сделал я здесь председателя следственной комиссии. Я забыл вам описать сию сцену. На третий день моего приезда я собрал все палаты, вошел в присутствие и заставил прочитать три предложения: 1) что я приступаю ревизовать губернию на основании сенаторской инструкции; 2) что открываю следственную комиссию; 3) довожу до сведения правительства злоупотребления, открытые в Нижнеудинске. Бумаги сии вы увидите в

печати. Последнюю желали обезобразить длинною справкою и в сем виде разослали по уездам. Сими актами я желал скорее разорвать здешние связи и переменить направление, но сила привычки и страха такова, что все сие не произвело еще полного действия.

Знаете ли, кто сочиняет Пестелю <sup>25</sup> в Петербурге официальные бумаги? Ф. П. Львов, тот, что был у графа Румянцева. Пестель сам ничего писать не может; все бумаги или сочинялись здесь на заказ у Трескина, или Львовым в Петербурге. Вы можете после сего судить о его связях. На сих днях в письме он уверял, что князь Лопухин отдает совершенную справедливость Трескину и уверен, что я его оправдаю. При случае не худо бы вам дать заметить старику, что он ни Трескина, ни меня не знает, когда так думает.\*

Прилагаю несколько писем, кой прошу отдать лично, изъяснив, что они получены с курьером сенатским: 1) к князю А. Н. Голицыну. Чрез него веду я всю существенную переписку, прекратив всякое сношение с графом Аракчеевым, чего, кажется, и он желал. В сем письме даю ему краткое, но ясное о делах понятие. Всегда ostensible.\*\* Я уверен, что Пестель переменит голос, когда услышит; 2) к Д. А. Гурьеву при официальном отношении, об отсрочке хода ассигнаций; письмо личное — одно воспоминание; 3) к графу Нессельроду официальное по делам пекинской миссии и откровенное по делам здешним, ostensible.

Перехожу теперь к делам домашним. И, во-первых, благодарю за все ваши распоряжки, но вы еще все в долгу, доколе не продадите дома Дубенскому на прежнем основании. Чего хочет от меня Бергин? Он согласился с Жерве,<sup>26</sup> чтоб положить в банк 7000 руб. Сие исполнено. Хочет ли он получить сии деньги? Пусть даст квитанцию полную, чистую в том, что все счета мои с ним окончены, с ним и с его конторою, и что ни ему, ни конторе я ничего более не должен; в этом всегда состояло все дело. Дай квитанцию и возьми деньги, но он толкует о векселях, кои по моей словесной просьбе (при расчете Марианы с Злобиным) даны были Злобиным на его имя и им надписаны (endossées\*\*\*). Из сего он выводит какой-то страх, что векселя сии могут возвратиться и на него

---

\* Цейера Пестель лично уверял, что он защищал Трескина только в виде подчиненного. Но это связь совсем другого рода. Не верьте бедности моего предместника.

\*\* [нескрываемый (фр.)]

\*\*\* [с полной ответственностью (фр.)]

пасть взыскание. Глупость пресовершенная, ибо ищут не тех, кому Злобин должен, но тех, кто ему должен. И впрочем, всему, если не кончилось, то вскоре кончится десятилетие.

Крайне сожалею, что Елисавета редко бывает у Веры Николаевны, но сего сообразить невозможно. Продолжайте ее любить и не вините неволи, которая есть следствием моего положения. Прилагаемый при сем ящик чаю прошу доставить к ней для назначенного мною подарка;\* летом чай пересылать почти нельзя. Подождите до зимы. Я вам пришлю самого лучшего.

Курьеру, который вручит вам сие письмо, порекомендуйте быть молчаливым; он весь предан Трескину, который умеет людей сего рода ублажать. И в прежнюю поездку он много развозил нелепостей, кои я встретил на дороге.

Прощайте, любезнейший; душевно вас обнимаю.

К Тургеневу<sup>27</sup> пишу в ответ безделицы.

О здешних делах вы не оставите побеседовать с Д. А. Гурьевым, что Трескин устранен и окружен здесь следствиями. Ваше дело, дело всех честных людей, защищать меня. Впрочем, я все к генварю окончу и по присяжной совести.

Я нашел здесь Словцова,<sup>28</sup> не в счастии, но в спокойном философском уединении; он совестный судья и директор гимназии, постарел, но свеж еще мыслями. Разумеется, что мы каждый день вместе, и советы его мне весьма полезны.

Письмо к С. С. Уварову есть благодарность за посвящение меня в члены академии наук. Я действительно ему благодарен.

## 16. Графу К. В. Нессельроде

Ce 18 Septembre 1819. Irkoutsk.

Au rapport officiel que j'ai l'honneur de Vous soumettre, permettez Mr. le Comte que j'ajoute quelques lignes en particulier.

Je ne connais pas personnellement le Baron de Schilling que je Vous propose pour laplace de Пристав à la mission de Pékin. C'est M-r Tourgeneff (А. И.) qui me le recommande et d'après ce qu'il m'en dit je le crois capable de remplir cette place avec avantage. Je ne fais que commencer mes études dans cette partie, mais je m'apperçois déjà qu'il nous manque beaucoup de connaissances positives et sur les hommes et sur les choses.

---

\* Хотя и надписан он на ваше имя.

Un homme d'esprit par conséquent, qui nous aiderait par des observations plus exactes à fixer les idées, ne serait pas de trop. A propos de mission. Il ne Vous sera pas indifférent, peut-être, de savoir un peu où j'en suis de ma propre expédition dans ce pays. Il ne tiendra pas à moi ni à mes efforts de sortir avec quelque avantage de cette lutte où je me vois inopinément engagé. Car c'est une véritable lutte, mon cher Comte, que cette administration dont on m'a chargé. J' ai à combattre non pas des abus par pelotons, mais un système des abus en bataille rangé et savamment combiné. Au reste le danger n'est pas ici sur les lieux, mais chez Vous; c'est là qu'on essaiera de m'attaquer par les calomnies, par les faux rapports etc. etc. Heureusement les suites en seront dans les maines de l'Empereur, et il est trop juste, sa raison est trop élevée pour être atteinte par les fausses apparences d'une administration abusive qu'il a lui même découvertes et signalées. Je conclus donc par le vieux proverbe: *fais ce que dois, advienne ce que pourra...*

Adieu, mon cher Comte, continuez moi votre précieuse amitié et croyez à toute la sincérité des sentiments que je Vous ai voués.\*

---

18 сентября 1819. Иркутск.

\* К официальному отношению, которое я имею честь вам представить, позвольте мне, граф, присоединить еще особо несколько строк.

Я лично не знаю барона Шиллинга,<sup>29</sup> которого вам предлагаю в пристава пекинской миссии. Его мне рекомендует Александр Иванович Тургенев, и, судя, по его отзыву, мне кажется, что он способен успешно исполнять вышеназванную обязанность.

Я только что начал изучать эту часть, но уже и теперь замечая, как много недостает нам положительных знаний и о людях, и о делах. Следовательно, умный человек, который бы более точными наблюдениями мог содействовать к установлению мыслей, был бы не излишним. Кстати, по случаю миссии. Может быть, вам было бы любопытно знать, хотя отчасти, в каком положении находится моя собственная миссия в этом крае. Я употреблю все, что будет зависеть лично от меня и от моих усилий, чтоб выйти с каким-либо успехом из этой борьбы, в которой я нечаянно принял участие. Управление, на меня возложенное, мой дорогой граф, — действительная борьба. Мне приходится сражаться не с отдельными злоупотреблениями, но с целю их системою, построенною в боевой порядок и с искусством составленною. Впрочем, опасность не здесь, на месте, но у вас, где будут пытаться нападать на меня клеветами, ложными доносами и проч. К счастью, последствия всего этого будут находиться в руках государя, а он слишком справедлив, ум его слишком возвышен, чтобы поддаться обманчивой наружности незаконного управления, которую он сам открыл и указал. И так я заключу старую пословицу: *делай, что ты должен, и пусть будет, что будет.*

Прощайте, мой дорогой граф, не оставляйте меня вашей драгоценною дружбою и верьте всей искренности чувств, которые я к вам питаю.



## 17. Графу В. П. Кочубею

Иркутск, 18 декабря 1819

Милостивый государь  
граф Виктор Павлович!

Иркутский купец Трапезников, отправляясь в Петербург, представляет мне случай писать к вашему сиятельству.

Поздравления, приносимые вам со вступлением в Министерство, не могут быть бескорыстны; тут все, знающие вас лично или по воспоминаниям, будут более поздравлять себя, нежели вас. Достоинство правительства есть лучший залог, первая потребность управляемых, необходимое условие их доверия. Не занимаясь другими, я желал бы здесь представить собственные мои чувства, но они столько вам известны, что все изъяснения я должен счесть излишними. Вместо того представляю вам краткий отчет моего здесь пребывания.

Все, что утверждали в Петербурге о сибирских злоупотреблениях, все предчувствия, кои видел я в письме вашем, я нашел здесь на самом деле. Начну с Тобольска. Здесь старому фан-Брину можно упрекнуть почти одну слабость. Положительно, однако же, можно утверждать, что нет ничего вопиющего. Вопль начинается в Томске. Тут поборы тягостнее, чиновники отважнее, преступления очевиднее. Но самое дно злоупотреблений есть Иркутск. Всякий другой край, менее обильный, менее торговый, был бы ими подавлен совершенно. Трескин есть человек необыкновенных способностей: смел, решителен и чрезмерно сметлив. Надобно было, чтоб к нему присоединился еще другой рыцарь, еще его решительнее, и притом лучшее, самое деловое перо, какое только встречал я в жизни. Это есть некто Белявский. Нося разные должности и быв наконец председателем гражданской палаты, он всегда был его секретарем, правою его рукою. Все, что вы изволили видеть в сибирском комитете, в совете, все записки, все представления Ивана Борисовича, самые его письма к государю, все здесь было сочиняемо; я нашел здесь все в проектах. Я был уже в Тобольске, как сей Белявский начал сходить с ума, сошел и вскоре потом умер, оставя по себе впечатление страха и значительное богатство. С сими двумя лицами два или три исправника, также лица весьма неглупые и отважные (в том числе и тот пресловутый Лоскутов, что высек протопопа), составляли всю силу здешнего управления. Естественно к ним примыкалась толпа людей

разного рода: чиновники, купцы, казаки, бурятские тайши, сельские головы, и все сие составляло систему многосложную, но довольно стройную. Уверенность в сей связи и поведение мое в Тобольске осветило и обнадежило их до того, что они пренебрегли лучшие меры осторожности. Можно было уменьшить жалобы, сделать некоторое возмездие обиженным, но они ни с чем не умели расстаться. Сей ложный расчет произвел то, что на самой границе Иркутской губернии был встречен жалобами, до Нижнеудинска я был ими провождаем. Тут принужден был остановиться и учредить следственную комиссию. Одних денежных поборов в первые два или три дни предъявлено и доказано на Лоскутова до 300 000 рублей. При описи имения у него найдено одними наличными деньгами и серебром более 100 000 рублей. По приезде в Иркутск все замолкло; здесь действовал еще страх 13-летнего управления. Скоро, однако же, и здесь открылись те же явления; учреждена и здесь особенная следственная комиссия. Сверх множества беспорядков обнаружено ею доселе одних незаконных поборов более двух миллионов рублей. Не буду при сем описывать всю огорчительность, всю несовместность сих упражнений с моими мыслями и привычками. Ваше сиятельство всегда были ко мне столь благосклонны, что можете предположить сие и без моих изъяснений.

Между тем сношения мои с Петербургом учредились посредством князя Голицына. Мне указана была сия дорога выше, ибо на письмо мое к графу Аракчееву из Пензы получил я в Казани ответ не чрез него, но чрез князя Александра Николаевича. Впрочем, сношения сии доселе ограничивались краткими отчетами в партикулярных письмах с тем, чтоб они представляемы были Всемилостивейшему государю. Одно только официальное представление сделал я из Томска. По ходу дел я заключил, что устранение иркутского и томского губернаторов будет необходимо, и потому просил позволить мне сие, когда я признаю нужным. На сие последовал рескрипт из Варшавы. Я начал с Трескина. Сею мерою дела пошли и лучше и скорее. Для устранения Илличевского ожидаю окончания комиссии, посланной мною еще в августе в Туруханск.

Описав вам мое прошедшее и настоящее, не могу не коснуться и будущего.

Послание мое сюда имеет два вида: один по указу, коим вверено мне управление, другой по рескрипту, коим возложено на меня 1) произвести следствие, 2) представить способы к лучшему и прочному устройству сего края.

По выражениям сего рескрипта, исполненным благодати и доверия, я с точности держусь его смысла и считаю пребывание мое здесь временным поручением. Я должен сего держаться и потому, что управление Сибири при настоящем вещей порядке есть вещь, для меня невозможная, да и никто, думаю, со здравым смыслом на сие не отважится. Посему, не занимаясь делами управления, как только в самых необходимых и текущих его отношениях, я считаю существенным своим делом следствие и будущее образование. Дело сие приходит к концу. К марту месяцу все следствия будут окончены и все сведения изготовлены. После сего мне здесь делать будет нечего. Смею даже утверждать, что пребывание мое здесь было бы вредно. Правительство лишится последнего к себе доверия, если, обнаружив беспорядки, оно не поспешит ввести лучшего устройства, а введение сие от меня не зависит. Оно должно быть рассмотрено и решено в Петербурге. Отсюда вопрос: должен ли я в марте пуститься отсюда в обратный путь? По выражению рескрипта, дело, мне поручаемое, могло продолжиться *год или полтора*. Посему я мог бы считать и возвращение мое, и срок его уже решенным. Но привыкнув к строгой покорности, я не хочу испортить осмилетнего моего терпения минутною нетерпеливостью и потому полагаю в генваре, дав краткий отчет и означив срок окончания здешних дел, испрашивать дальнейших повелений, изъяснив, что пребывание мое здесь будет далее бесполезно. Ответ может прийти сюда в конце марта, и тогда, судя по оному, могу я или ускорить моим отправлением и могу даже в конце мая или в июне быть в Петербурге, или же, получив противное моему ожиданию, отправить отсюда со всеми делами и предположениями моими Цейера, сам буду просить увольнения от службы и ожидать его в Тобольске. Расстояния не позволяют мне ожидать на сие вашего совета, но, по всем опытам прежней вашей ко мне благосклонности, смею надеяться, что с возвращением Трапезникова ваше сиятельство изволите сказать мне ваши мысли и рассеять мрак, меня окружающий.

Вашему сиятельству, без сомнения, любопытно знать, до какой степени предместник мой в беспорядках здешних мог участвовать. По совести скажу, доселе не мог я открыть ничего личного и непосредственного. Некоторые безделки и пустые лакомства можно назвать малодушием, но не корыстолюбием. Кажется, он был содержим в заблуждении и не хотел из него выйти потому только, что не мог расстаться ни

с местом, ни с Петербургом. Впрочем, судя по делам, не только Сибирью; ему, кажется, трудно было бы управлять и Олонецкою губерниею. Новое и разительное доказательство, что хитрость не есть ум и ум совсем не хитрость. Кстати, здесь случайно открылось, что бумаги его между прочими сочинял известный Львов, что был в Министерстве коммерции.

Примите, милостивый государь, свидетельство совершеннейшего почитания и искренней преданности, с коими честь имею быть вашего сиятельства

покорнейший слуга

М. Сперанский.

Позвольте мне привести себя на память милостивой государыне графине Марье Васильевне и Наталье Кирилловне и благодарить их за воспоминание и внимание к моей дочери.

#### 18. Князю А. Н. Голицыну

30 января 1820

С возвращающимся фельдъегерем долгом поставляю возобновить повествования мои вашему сиятельству о здешних моих упражнениях.

В последнем письме я остановился на открытиях, кои следствиями здесь обнаружены. Устранение губернатора ускорило движение сих дел. Большая их часть приведена к концу; остальные, по всей вероятности, окончатся к марту месяцу. Между тем все сведения, к будущему устройству сего края нужные, собраны, и я занимаюсь приведением их в порядок. Надеюсь, что обе работы, мне предназначенные, т. е. отчет в обозрении губерний и предположения к будущему их устройству, если не прежде, то к маю месяцу совершенно будут готовы. Отправление пекинской духовной миссии к тому же времени будет окончено. После сего пребывание мое в Иркутске будет бесполезно; с мая месяца, на обратном пути в Тобольск, я полагаю обозреть еще некоторые места, в стороне от дороги лежащие. Все сие, вероятно, кончится к осени.

Ваше сиятельство не изволите, конечно, найти странным, что в январе я помышляю и пишу к вам об осени. В Сибири это не слишком рано.

Сие приводит меня и к общему вопросу о времени моего здесь пребывания, к вопросу, коего благовременное разреше-

ние и для меня лично, и для дел мне кажется необходимо. Я осмеливаюсь в письме на имя Всемиловейшего государя, при сем прилагаемом, испрашивать сего разрешения. И вот мои причины.

По окончании дел, особенно мне здесь предназначенных, какая может быть цель дальнейшего моего в Сибири пребывания? Текущие дела и без меня идти могут. Управлять же краем сим без людей и без способов невозможно. То и другое от меня не зависит. Людей не в Сибири искать должно, а способы требуют государственного общего соображения. До того же времени, как соображение сие будет сделано, я должен буду в бездействии или в невольном послаблении, с уроном здоровья и всех моих семейственных обязанностей, потерять и то малое доверие, которое здесь приобрел. Тот же порядок, те же люди, те же будут и последствия. Возникнет ропот и жалобы, и я, быв послан сюда для следствий, в конце сего года сам могу быть подвержен следствиям. Присоедините к сему, что ревизия поставила меня по необходимости в непримиримой вражде почти со всеми чиновниками: одни преданы суду, другие находятся под следствием. Могу ли я действовать не только с честью, но даже и без опасности?

Признаюсь вам в моей слабости. При мрачных здешних делах сии мрачные мысли столько меня смущают, что я не помню в жизни положения (верьте всей силе и искренности сего слова), более для меня затруднительного и жестокого. Столько может быть противоречия между внешним видом и внутренними чувствами!

С радостью принял я здесь английских миссионеров. Отличные поистине люди. С товарищем их, в Селенгинске живущим, чрез письма я познакомился вскоре по моем сюда приезде. Впоследствии ему встретилась нужда в деньгах на строение; я послал ему 4000 рублей с переводом на петербургскую сарептскую контору. Он уже изрядно разумеет по-монгольски и по-русски; жаль, что Селенгинск есть бедный заштатный город, в коем нельзя найти для них сносного помещения. Но нынешним летом дом их отстроится, и на зиму они будут иметь порядочный приют. Впрочем, это есть средоточие нашей Монголии. На сих днях отправляясь в тот край, надеюсь их навестить.

Отца Петра, ни свиты его здесь еще нет. Ожидаем их в половине или в конце февраля. Впрочем, к отправлению его у нас все почти готово и, кажется, никаких препятствий не предвидится.

Библейское наше дело идет здесь с довольным успехом; собираемся уже открыть три или по крайней мере два товарищества: одно в Якутске, а другое в Верхнеудинске.

Все письма ваши для меня драгоценны, но, признаюсь вам, ответа на сие письмо буду ожидать с нетерпеливостью, которую другие назвали бы малодушием, но вы уважите мои побуждения и покроете все любовью, которая одна всему веру емлет и николи же отпадает.

Примите свидетельство совершеннейшего почитания и преданности, с коими честь имею быть и проч.

#### 19. Императору Александру I

30 января 1820

После обозрения Тобольской и Томской губерний, окончив ныне обозрение и губернии Иркутской, я считаю обязанностью предварительно и кратко донести Вашему Императорскому Величеству о главных предметах, обнаруженных при сем последнем обозрении:

I. Злоупотребления в порядке заготовления хлеба для магазинов провиантских, винокуренных и запасных.

II. Злоупотребления в порядке земских и волостных повинностей, в налогах и наборах, особливо с ясашных.

III. Злоупотребления в движении внутренней промышленности и торговли и введение правил, противных пользам их и свободе.

В сих общих оглавлениях заключаются многосложные и разнообразные подробности и обширное производство двух следственных комиссий, под начальством статского советника Цейера учрежденных и под ежедневным моим надзором действующих. Число людей, прикосновенных в разных степенях, составляет до 116 человек; сумма одних частных взысканий простирается свыше двух миллионов.

Злоупотребления того же рода, исключая провиантских, найдены и в губернии Томской, но в числе несравненно меньшем; в Тобольской же, можно сказать, в степени незначительной.

Меры, доселе мною принятые, состояли единственно в пресечении зла:

1) Удалением чиновников и преданием их суду, сколько нужды обыкновенного течения дел и недостаток людей позволяли.

2) Устранением иркутского гражданского губернатора от должности подробным изысканием всех жалоб и доносов, на него возникших, и приведением в ясность всех дел, в коих в свое время он должен будет дать ответ в Сенате.

3) Восстановлением законного порядка в производстве торгов и подрядов на хлеб и разные казенные потребности.

4) Распорядком и ограничением земских и волостных повинностей и пресечением поборов.

5) Восстановлением общих правил о свободе внутренней торговли и промышленности.

Но сии меры и сами по себе недостаточны, и в исполнении их непрочны. Никакое начальство не может ручаться в продолжительном их действии, если не постановлен будет порядок управления, местному положению сего края, отдалению его и образу населения свойственный.

Сообразно воли Вашего Величества, в Высочайшем рескрипте мне изъявленной, изыскание точных сведений, на коих сей порядок может быть основан, составляет важнейшую часть моих упражнений.

Разделяя таким образом обязанности моего сюда послания на две главные части, я буду иметь счастье в свое время представить Вашему Величеству две работы:

I. Отчет по обозрению сибирских губерний, со всеми принадлежащими к тому следствиями и доказательствами.

II. Предположение об управлении сибирских губерний, с принадлежащими к тому штатами и особенными положениями.

Если вид страстей и слабостей человеческих оскорбит внимание Вашего Величества, то взамен того возможность и средства устроить в сей части света лучший порядок, без сомнения, представят благотворной душе Вашей приятное упражнение.

Я не могу с точностию определить времени окончания сих работ, но надеюсь, что к маю месяцу они будут готовы. К сему же времени окончены будут и частные поручения об отправлении духовной миссии в Пекин и экспедиции к Ледовитому морю. Между тем на сих днях отправлюсь для обозрения так называемого здесь Заморского края, т. е. округ, за Байкалом лежащий.

После сего пребывание мое в Иркутске будет бесполезно, и я полагаю часть летнего времени лучше употребить на

вторичное и окончательное обозрение Томской и Тобольской губерний. В первой из них остается сделать окончательное заключение по следствию, в Туруханске произведенному; в обеих же устройство дорог, мостов и перевозов, как одни из величайших тягостей народных, требуют еще внимательного рассмотрения.

Окончив сие второе обозрение, я смею думать, что дальнейшее пребывание мое в Сибири не будет иметь цели. Милосердие Вашего Величества ко мне не попустит, чтоб с утратою здоровья и семейственных обязанностей утратил я здесь и то малое право, которое доселе мог приобрести на доверие, а утратить его я непременно должен, если, обнаружив злоупотребления, возбудив надежды к лучшему и не быв в состоянии с прочностью сделать ничего лучшего, я оставлен буду здесь для одних текущих дел без людей и без способов. Способы и люди от меня не зависят. Способы требуют соображений государственных, а людей приискать мне в Сибири невозможно.

Повергая все сие в милостивое и правосудное Вашего Императорского Величества усмотрение, с благоговением буду ожидать решения.

## 20. Князю А. Н. Голицыну

20 мая 1820

Я имел честь получить Высочайший рескрипт и письмо вашего сиятельства от 25 марта. Доколе пребывание мое в Сибири имело определенную цель и некоторую пользу, я исполнял назначение мое с ревностью и терпением. Но теперь, когда все дела, мне порученные, кончены, мне остается влачить здесь целый год почти в бездействии. Я называю бездействием поверхностное отправление текущих дел и терпимость беспорядка и злоупотреблений. Я мог их остановить, но не истребить, ибо порядок управления, краю сему несвойственный, остается тот же; исправить его я не могу; люди остаются те же, переменить их нечем. Я не могу даже дать движение суду над ними, ибо те, кои должны их судить, сами подлежат суду по другим делам подобным. Людей, отрешенных в одном уезде или в одной губернии, я принужден употреблять в другой, дабы вовсе не остановить течения дел.

Между тем четыре или пять месяцев отсутствия и личных изъяснений были бы достаточны, чтоб рассмотреть представ-



ления мои в их совокупности и решить будущее устройство сего края. После сего введение и утверждение его на месте, мне ли или кому-либо другому было бы сие вверено, не представило бы больших затруднений; люди были бы приисканы, дела приняли бы законный ход и правительство нашло бы в Сибири такие способы, кои, смею утверждать, доселе были ему неизвестны.

Не буду обременять ваше сиятельство личным моим положением, постепенным погашением телесных моих сил, совершенным пренебрежением домашних моих обязанностей и расстройством малого моего имущества. Все сии жалобы, сделавшись обыкновенными, давно уже потеряли к себе вероятие. Но верьте им или нет, они тем не менее тяжки.

Обращусь к предметам другого рода. Я уже имел честь писать о ходе здесь библейского дела. После того на сих днях из Якутска получил я уведомление, что и там сотоварищество может быть открыто.

Мне писали, что перевод Подражания расходуется с успехом. Если благотворительное общество, коему принадлежит сия книга, расположится сделать второе издание, то я желал бы переменить несколько слов и выражений, не для красоты слога, но для ясности и большей еще точности.

В заключение прошу ваше сиятельство поднести государю императору донесение мое на вопрос, в Высочайшем рескрипте означенный.

Примите, милостивый государь, свидетельство и проч.

## 21. Графу В. П. Кочубею

20 мая 1820

Все, что мог бы я сказать о благодарности моей за два письма вашего сиятельства, с приставом Тимковским и потом с фельдъегерем полученные, было бы слабо. Вы одни приняли в положении моем свойственное вам искреннее участие, и если надежда моего возвращения отсрочена, а может быть и вовсе отложена, тем не менее я никогда не престану чувствовать цену ваших побуждений. Все уверения других суть учтивости, возникающие от соображения обстоятельств и времени. В истинном их смысле я никогда не ошибался.

Из полуофициального моего письма изволите усмотреть, каким образом первое движение государя, всегда мне благотворное, успели переменить, точно так же, как и в Перми

первое движение, мне с достоверностию тогда означенное, было вызвать меня в Петербург, второе проводить меня за присмотром в деревню.

Срок, в предписании вашего сиятельства назначенный, совершенно был для меня сходим, и по собственному выбору я не мог бы прибыть ранее. Но отсрочка до марта месяца и сама по себе для меня горестна, и еще горестнее по тому смыслу, который она иметь может. В самом деле, мудрено ли в течение десяти месяцев найти причину и изобрести благовидный предлог еще отсрочить и наконец решиться вовсе заточить меня в Сибири? Если бы и не было сего намерения, то смутные дела Европы легко могут родить мысль о каком-нибудь конгрессе, а тогда в сих высших обстоятельствах маловажное бытие мое и совсем уже потеряется из виду. Все сии опасения представляются мне столько вероятными, что я решился сделать еще шаг, тот самый, который и прежде я имел в виду, а именно просить совершенной отставки. Я расчел, кажется, правильно все последствия. Если отставка последует, то, вероятно, с запрещением въезда в столицы, и я отправлюсь умирать в Пензу. Остаток жизни, по всем моим предчувствиям недолголетний, проведу не без утешения и по крайней мере в безопасности. Если не дадут отставки, то по крайней мере сим я решительно заявлю, что служу здесь по неволе, а сделать поступок мой гласным я всегда имею способы; пусть же знают, что девять лет без суда и малейшего обвинения, влача меня по всей России, наконец заточили в Сибирь. Сей пример, если не для меня, то для других пригодится. В сем расчете я полагаю чрез месяц или два послать формальное прошение, которое в порядке службы представлю к вашему сиятельству. Я не солгу ни в одной букве, если в нем скажу, что здоровье мое расстроено; оно может еще поправиться, но не здесь, не со здешними зимами и не при здешних делах. Я поистине не знаю, как я проведу будущую зиму, полагая провести ее в Тобольске. Быв брошен сюда нечаянно, я не успел ничего приготовить. Дому нет ни в одной из трех губерний; в Иркутске осталась одна развалина, 13 лет никем уже не обитаемая; везде помещение самое скудное; морозу 40°; всю зиму я в двух комнатах и не выходил из теплых сапогов.

Впрочем, как настоящую мою полуофициальную бумагу, так и будущее мое прошение предаю в совершенную вашу волю, и какое бы употребление ни расположили вы из них сделать, или и совсем не сделать никакого, я все признаю лучшим и для меня благотворным.

Между тем, чтоб из худых обстоятельств извлечь что-нибудь доброе, если не для себя, то для других, вместе с сим препровождаю представление мое к вашему сиятельству о наградах некоторым чиновникам. Число их вообще по трем губерниям составляет не более 9 человек. Начинаю с г-на Цейера; он действительно был мне верным помощником, я и сам не предполагал в слабом его составе найти столько способов. Канцелярия моя вся составлена из людей, при Иване Борисовиче бывших. Сначала я им не доверял, но впоследствии узнал, что они ни в чем не участвовали. Правитель канцелярии Шкларевский есть старый сенатский секретарь, рекомендованный мне еще от графа Орлова. В нем один только порок, он болен, дряхл и не может управлять никакою канцеляриею. Он ничего не получил при переходе в Сибирь. Настоящий чин заключит его службу и очистит место другому. Прочие суть молодые люди, неопытные, не деловые, но усердные. В малом числе губернских чиновников помещаются только те, коих действительно я нашел исправными и бескорыстными, свойство в Сибири, по редкости своей, немаловажное. О морских чиновниках отправляю вместе с сим представление к морскому министру.

Обращаюсь к другим предметам. Судьба камчатского и охотского внешнего торгова решена. Оба министра уверяют меня, что сие сделано согласно моему представлению; но я никогда не представлял, чтоб внешний торг, два или три года как возникший, торг, на который и тариф был опубликован, вдруг был закрыт. Я представлял только о том, что неудобно связывать себя десятилетним контрактом на китовую ловлю. Промысл сей всегда сопряжен с многолюдною оседлостью на берегу и, конечно, мог быть предосудителен пользам нашей компании, но торговля с Маниллою или с другим каким бы то ни было местом по тарифу не представляет другой опасности, кроме той, что она не удастся и, след[овательно,] сама собою закроется. Камчатские пушные промыслы так ныне ничтожны, что никто, конечно, ни дозволенною, ни потаенною торговлею от них не наживется. Если предположить, что допущением в Камчатку торговли дан будет иностранцам повод производить запрещенный торг на Алеутской гряде, то, *во-первых*, им никакой нет нужды заходить для сего в Петропавловский порт: это была бы только трата времени. Петропавловский порт прекрасный, но закрыт восемь месяцев в году льдами и туманами. Следовательно, кто в него зайдет, тот не выйдет, когда хочет, а

Алеутская гряда всегда почти открыта; *во-вторых*, полагается для защиты алеутских промыслов содержать попеременно два военных судна, сила слишком достаточная, чтоб отучить все мелкие купеческие суда от всяких покушений. Мне жаль Рикорда; лично я его не знаю, но из дел вижу в нем человека благородного и усердного. Он, как меня здесь уверяли, согласился принять начальство в Камчатке с тем именно, что будет дано сему краю некоторое движение посредством торговли. В числе бумаг, зимою от него полученных, есть записка, в коей он, оставаясь в прежнем мнении о пользе сей торговли, испрашивает даже разрешить беспошлинный ввоз суммою до 5000 пиастров. В другой бумаге просит он удвоить число экипажной его роты. Обе сии бумаги теперь делаются уже невместны, но для сведения посылаю их к министру финансов. Камчатские и охотские промыслы суть капля в море для кяхтинской торговли, но соревнование возвысило бы их цену, а возвышение обратилось бы, без сомнения, в пользу бедных камчадал и тунгусов. Впрочем, все сие я пишу единственно для очищения моей совести пред вами; входить же в споры за 6000 верст в деле, Высочайше утвержденном, я считаю бесполезным.

Из официальной моей бумаги ваше сиятельство усмотреть изволите, что нынешнею осенью или зимою Трескин будет в Петербурге. Я достоверно знаю путь его; он пойдет чрез Шмита и вообще чрез сарептское общество, ибо как он, так и Пестель, Бог знает как и почему, но принадлежат несколько уже лет к моравским братьям. Согласите, если можно, со здравым смыслом сие странное смешение. Но я никак не удивлюсь, если они в происках своих успеют, если они будут правы, а я останусь виноватым. Не удивлюсь даже, если Трескин будет здесь генерал-губернатором, как то он здесь положительно и с свойственною ему наглостию уверяет. Если из меня, рожденного искренним христианином, сделали безбожника, а потом опять произвели в христиане, то чего не может быть и с другими!

Мне могут сделать вопрос: почему я не присылаю образования Сибири, если оно готово? Искренно вам признаюсь, это была бы с моей стороны большая простота, но, независимо от личных соображений, какого успеха могу я ожидать от сего заочного представления? Можно ли положить на бумагу все подробности столь обширного дела? И кому у меня писать, когда и переписать даже некому? Сверх сего предположения мои о Сибири столь сами по себе сильны, что и при личных

изъяснениях, даже при большом благоприятстве обстоятельств, я сомневаюсь еще, чтоб они были приняты. Но сие сомнение никак не остановит меня сказать всю правду и нимало не переменит видов, основанных на совести и внутреннем моем убеждении.

Я пойду далее и, по доверенности ко мне вашего сиятельства, буду говорить с полною откровенностию. Какою волшебною силою человек, брошенный сюда из Пензы без всяких знаков особенного доверия, не получив и не предъявив никаких новых и значительных инструкций, вступив в борьбу со всеми почти чиновниками, со всем составом управления, мог один с Цейером обуздать известные сибирские дерзости, обнаружить злоупотребления, потрясти фортуны, в 13 лет составленные, и испровергнуть целую систему связей твердых, обдуманных и привычкою скрепленных? Мы не в том веке живем и Сибирь не тот край, где бы истина могла одна произвести сии явления. Сия волшебная сила была нечто другое, как страх, как уверенность, что я скоро в состоянии буду обличать всех лично пред правительством. Я должен был поддерживать сию уверенность, и поддерживал ее по самой крайней возможности, но она слабеет и должна слабеть по мере, как страх и возможность сего личного обличения отлагается. Не рассеивает ли уже и теперь г-н Трескин (всегда лучше меня знающий петербургские вести), что он возвратится сюда генерал-губернатором? Что же будет тогда, как он будет нынешнею зимою в Петербурге, а я в Иркутске или в Тобольске? Сенат требует его к ответу; удержать его здесь я не могу, ибо все следствия здесь кончены, и он на сих днях отправляется. Как могу я управлять без моральной власти? Скажут, законами, — как будто существуют законы в Сибири, всегда управляемой самовластием, и как будто законы могут исполняться без исполнителей. Страх есть дело внезапности, род очарования; надобно знать его меру, чтоб им пользоваться.

Вопрос: кто наиболее постраждет от сего положения дел? Сибирь, ибо первое последствие всякого пренебрежения власти есть собственный свой вред. А что власть, мне данная, будет пренебрегаема, в сем не могу я иметь ни малейшего сомнения.

Сожалеею, что столь долго задержал дела бывших здесь губернаторов Корнилова и Хвостова; теперь они совсем готовы, и на следующей почте отсылаю донесение мое чрез графа Аракчеева, ибо так в письме его о них назначено. Они

совершенно правы, и я поручаю возмездие их в самых положительных выражениях правосудию государя.

В заключение желал бы изъяснить все чувства благодарности моей за внимание ваше к моей дочери. Собственные мои огорчения были бы для меня сносны. По счастью, я вхожу в такие лета, когда можно видеть им конец, да и чувство личное с летами и с опытом слабеет. Но мысль, что она должна быть жертвою моих обстоятельств, есть поистине для меня убийственна. Я всегда имел и надеюсь впредь иметь не менее религии, как и те, кои столь громко и столь исключительно ее себе присвоят, но со всем тем дух бодр, а плоть немощна.

Примите, милостивый государь, свидетельство и проч.

P. S. Ваше сиятельство, без сомнения, изволите примечать, что я ни в письме к государю, ни к другим не упоминаю о предписании вашем от 8 марта, предоставляя на вашу волю заметить или не заметить противоречие между 8 и 20 того же самого месяца.

## 22. Графу В. П. Кочубею

11 декабря 1820

С истинною благодарностию получил я письмо вашего сиятельства от 2-го ноября.

Один из первых моих вопросов ко всем моим знакомым всегда был о вашем здоровье. Из писем, ко мне доходящих, вижу, что не я один принимаю в сем самое искреннее участие. Не мое одно мнение, но мнение многих людей, кои лично вас даже и не знают, есть то, что присутствие ваше в делах, всегда полезное, ныне кажется почти необходимо. Все чувствуют трудности управления как в средоточии, так и в краях его. Нет ничего справедливее вашего о сем замечания. Люди вообще у нас, как и везде, ко всему сделались чувствительнее и взыскательнее. Прежде знали в провинциях одно действие власти, ныне требуют законности, и хотя худо ее понимают, но последний крестьянин готов спорить с мирским головою, а дворянин с губернатором. К сему присовокупляется недостаток людей. Тут корень зла; о сем прежде всего должно было бы помыслить тем юным законодателям, которые, мечтая о конституциях, думают, что это новоизобретенная какая-то машина, которая может идти сама собою везде, где ее пустят.

Представляю вашему сиятельству дополнительные сведения о ревене. Тут много было злоупотреблений, не в самой, однако же, его мене, но в заготовлении пушных товаров. При губернаторе не столь корыстолюбивом ремень будет обходиться дешевле.

Из записки, при бумаге вашей приложенной, случайно узнал я в первый раз, что назначено посольство в Бухарию и Китай. Нет ли какого-либо смещения в сем назначении? Не думают ли, что из Большой Бухарии можно проникнуть в Китай? И не смешали ли Большой Бухарии с Малою? В деле о посольстве графа Головкина <sup>30</sup> я видел подобные сему странности.

Мало имею я надежды, чтоб предположения мои о Сибири были приняты; одобрение ваше будет уже для меня успехом. Во всех случаях и прежде всего нужно подумать о начальниках. Здесь есть довольно верный слух, что мое место назначается Капцевичу. Если нет лучшего, то можно по необходимости и на нем остановиться. Но сверх сего нужно три губернатора. Тобольский сам давно уже и просил и просит увольнения; на место его есть в виду человек отменно способный, здешний почт-директор Осипов. Он имеет все свойства, нужные для сего звания. Я писал уже о нем предварительно к князю А. Н. Голицыну и имею его согласие. Для Томска и Иркутска никого в виду нет, а оставить томского почти невозможно. Я считаю нужным довести сие предварительно до сведения вашего; может быть, не изволите ли встретить кого-либо годного. Для Иркутска особенно нужен чиновник опытный и сколь можно честный. Для любопытства прилагаю образчик тамошнего образа мыслей об управлении. Не скоро будет можно переменить правила, Трескиным введенные. На сих днях при отправлении к министру финансов образования здешней соляной части я писал к нему и о вице-губернаторах. В Тобольске и Томске могут остаться и настоящие, но в Иркутске переменить необходимо нужно по его усмотрению. Сделав сии настоятельные перемены, можно уже будет с меньшею заботливостию и беспокойством заняться рассмотрением и общего Сибири образования.

Не прежде 1 февраля полагаю я оставить Тобольск; путь возьму на Пензу, где необходимо нужно мне побывать, и таким образом путешествие мое продолжится до половины или исхода марта.

Примите, милостивый государь, и проч.

23. А. Н. Оленину

*Секретно.*

С.-Петербург, 7 сентября 1822

Милостивый государь мой  
Алексей Николаич!

Препровождая при сем к вашему превосходительству показание мое о том, что я не принадлежу ни к какой масонской ложе, ни к тайному обществу, считаю нужным сопроводить оное следующим изъяснением.

В 1810-м или 1811-м г. повелено было дела масонские подвергнуть рассмотрению особого секретного комитета, в коем велено было и мне находиться. По случаю сего рассмотрения, дабы иметь о делах сих некоторое понятие, я вошел с ведома правительства в масонские обряды; для сего составлена была здесь в С.-Петербурге частная, домашняя ложа из малого числа лиц под председательством и по системе доктора Фесслера.<sup>31</sup> Как целью моею в сем деле было одно познание масонских обрядов, то и счел я достаточным посетить сие собрание *два раза*, после чего как в сей, так и ни в какой ложе, ни тайном обществе я не бывал, да и самое собрание сие, не принадлежавшее к числу правильных и установленных лож, сколько мне известно, само собою прекратилось.

С совершенным почтением честь имею быть вашего превосходительства

покорнейший слуга  
М. Сперанский.

24. Императору Николаю I

19 июня 1827

Повергаю к стопам Вашего Императорского Величества чувства благодарности за все милости, коими благоугодно вам было ободрить посильные труды мои и лично, и в Высочайшем рескрипте, здесь мною полученном.

Тщетны были бы все усилия мои и моих сотрудников,\* если бы не были они одушевляемы непосредственным и непрерывным вниманием Вашего Величества.

После столетних колебаний и безуспешных опытов Ваше Императорское Величество положили твердую основу сему

---

\* По составлению Полного Собрания законов.



делу. Совершение его должно быть первым долгом совести для всех тех, коих благоугодно Вам было к тому предназначить.

С сими расположениями, при помощи Божией, можно быть уверенным, что время ожиданий сократится и попечения Вашего Величества скоро достигнут своей цели, получают единую награду, неусыпных трудов Ваших достойную, правильного и твердого законодательства.

#### **25. Киевскому митрополиту Евгению**

20 мая 1833

Как любителю и знатоку отечественных наших законов, я счел долгом представить вашему высокопреосвященству экземпляр Свода законов чрез московского комиссионера нашего г. Селивановского. Надеюсь, что вы его получили. Примите сие новое от меня приношение как знак воспоминания и искреннего моего к особе вашей уважения.

Поручая себя святительским вашим молитвам, с совершенным почтением честь имею быть и проч.

P. S. К Своду присоединяю при сем краткое историческое его обозрение.

#### **26. Князю Д. В. Голицыну**

23 мая 1833

К Своду законов, который я имел честь вашему сиятельству доставить, составлено мною на русском языке, напечатанное на сих днях «Краткое историческое его обозрение». Для иностранцев оно переведено на французский и немецкий языки. Немецкий перевод печатается, а французский экземпляр при сем прилагаю.

Отправляясь по дряхлости своей искать здоровья у Мариенбадских вод, препоручаю себя благосклонному вашему сиятельству воспоминанию.

#### **27. Графу А. И. Чернышеву**

2 ноября 1833

Вследствие объявленной мне в отношении вашего сиятельства от 29-го минувшего октября (№ 9564) Высочайшей воли о составлении учебных книг для руководства в познании

гражданских и военных законов по военно-учебным заведениям, честь имею сообщить, что *мысль* о сем была уже и прежде изъявлена Его Императорским Величеством, но привести оную в исполнение прежде окончания Свода не было возможности потому, что учебная книга должна быть не что иное, как систематический вывод главных правил из законов, приведенных уже в ясный и окончательный порядок.

С изданием свода гражданских законов в феврале месяце сего года мысль сия возобновилась и к составлению гражданской учебной книги сделано распоряжение.

Но труд сей, значительный не столько по обширности его, сколько по строгой точности и ясности тут необходимой, не мог быть, при других упражнениях чиновников II Отделения, приведен к окончанию.

С вероятностью, однако же, можно предполагать, что он к апрелю месяцу будущего года будет окончен.

Составление учебной книги военных постановлений также предположено, но еще не начато потому, что свод сей части законов еще *не окончен*. По отчету в минувшем месяце, от генерал-майора Ахшарумова<sup>32</sup> предоставленному, заключать должно, что дело сие не прежде как к апрелю месяцу будущего года может быть совершено, после чего немедленно приступлено будет во II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и к составлению учебной книги военных законов.

О всех сих соображениях я имел счастье докладывать государю императору и получил Высочайшее повеление об успехах в составлении учебных книг по сему распорядку от времени до времени доносить Его Императорскому Величеству.